

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2003 № 224

СОДЕРЖАНИЕ

- 579-586 О гнездовании некоторых лесных птиц в Подмосковье. А. Н. ФОРМОЗОВ
- 586-587 Гнездование вьюрка *Fringilla montifringilla* на юге Горьковской области. В. И. АНИКИН
- 587 Первый случай гнездования вьюрка *Fringilla montifringilla* в Литве. Ю. Н. СТАШАЙТИС
- 588-596 Перепел *Coturnix coturnix* в Псковской области. С. А. ФЕТИСОВ
- 597-604 Результаты наблюдений за питанием пищухи *Certhia familiaris* и длиннохвостой синицы *Aegithalos caudatus*. И. В. ПРОКОФЬЕВА
- 605-606 О редких птицах окрестностей Казани. В. А. АНДРЕЕВ
- 606-608 Наблюдения редких птиц в некоторых районах Казахстана. В. В. ХРОКОВ
- 608-609 О запасании кормов большим скальным поползнем *Sitta tephronota*. Э. И. ГАВРИЛОВ
- 609-611 О численности красавки *Anthropoides virgo*, стрепета *Otis tetrax*, дрофы *Otis tarda* и джека *Chlamydotis undulata* в некоторых районах Казахстана. В. А. БОРИСЕНКО
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биологический факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XII
Express-issue

2003 № 224

CONTENTS

-
- 579-586 Nesting of some forest birds in the neighbourhood of Moscow. A.N. FORMOZOV
- 586-587 Nesting of the brambling *Fringilla montifringilla* in south of the Gorki Region. V.I. ANIKIN
- 587 The first record of breeding of the brambling *Fringilla montifringilla* in Lithuania. Yu.N. STASHAITIS
- 588-596 The common quail *Coturnix coturnix* in the Pskov Region. S.A. FETISOV
- 597-604 Observations on feeding of the treecreeper *Certhia familiaris* and long-tailed tit *Aegithalos caudatus*. I.V. PROKOFJEVA
- 605-606 About rare birds in environs of Kazan. V.A. ANDREEV
- 606-608 Observations on rare birds in some areas of Kazakhstan. V.V. KHROKOV
- 608-609 Food storing in the eastern rock nuthatch *Sitta tephronota*. E.I. GAVRILOV
- 609-611 On numbers of the demoiselle crane *Anthropoides virgo*, little bustard *Otis tetrax*, great bustard *Otis tarda*, and houbara bustard *Chlamidotis undulata* in some areas of Kazakhstan. V.A. BORISENKO
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

О гнездовании некоторых лесных птиц в Подмосковье

А.Н.Формозов

Второе издание. Первая публикация в 1956*

Изучение животного мира Подмосковья имеет достаточно большую историю, но и сейчас всё ещё нельзя сказать, что область, расположенная в центре страны, исследована в этом отношении с достаточной тщательностью и полнотой. Более того, можно утверждать, что животный мир ряда отдалённых районов РСФСР изучен лучше, чем район, расположенный по соседству со столицей.

Это объясняется тем, что в Подмосковье до последнего времени совсем не проводились специальные, достаточно длительные и планомерные зоологические исследования; материалы собирались главным образом во время кратковременных поездок и эпизодических экскурсий. В результате видовой состав фауны позвоночных Подмосковья в настоящее время изучен более или менее удовлетворительно, но данные, касающиеся численности особей, основных черт и деталей географического размещения популяций животных разных видов, всё ещё очень бедны. Очень мало сведений и по экологии животных и условиям их обитания.

Между тем животное население очень людной промышленной области изменяется под влиянием хозяйственной деятельности весьма быстро; происходят значительные сдвиги в положении границ ареалов, поэтому изучение указанных вопросов нельзя откладывать.

Изменения границ распространения особенно заметны у лесных видов, не проникающих к югу за пределы Московской области, и степных, вселившихся сюда относительно недавно, уже в историческое время, после вырубания лесов в лесостепи и появления больших участков полей и лугов в приокской части Подмосковья. Большой интерес представляет также вопрос, какое влияние на жизнь и распространение животных окажут участки леса из новых, недавно акклиматизированных в Подмосковье пород, таких как сибирская лиственница, канадский тополь и ряда других.

В данной заметке приведены наблюдения над распространением 4 видов лесных птиц, в частности, 2 видов, связанных с еловыми насаждениями как гнездовым биотопом. Еловые леса при интенсивных рубках нередко сменяются насаждениями из берёзы, осины, ольхи и других мелколиственных пород, что ведёт к сокращению площади, пригодной для жизни ряда таёжных животных.

Юрок *Fringilla montifringilla*. Сведения, приводившиеся в литературе относительно южной границы гнездового ареала этой таёжной птицы, были в течение долгого времени достаточно неопределённы. Так, например, Г.Л.Граве (1926) указывал, что этот вид на гнездование в бывшей Смоленской

* Формозов А.Н. 1956. О гнездовании некоторых лесных птиц в Подмосковье //Бюл. МОИП. Отд. биол. 61, 3: 21-26.

губернии никем не отмечен; в книге П.П.Сушкина (1938) одним из редакторов сделано примечание, что в Европе юрок не гнездится южнее Ленинграда, а это совершенно неверно. В новейшей сводке (Птицы Советского Союза, 1954) сказано тоже довольно неопределённо, что юрок гнездится в Московской и Костромской областях, причём пропущено указание Е.С.Птушенко и Н.А.Гладкова (1933) на гнездование этого вида (правда, довольно редкое) в лесах Переславщины (юго-запад Ярославской обл.) и Э.А.Бекштрема (1927) — на гнездование юрка в Мещере, по реке Пре (левобережье Оки)*. Ф.К.Лоренц (1894) определённо считал, что юрок в Московской области не гнездится, и уже одно это говорит об относительной редкости описываемой птицы под Москвой в летнее время. Не попадалась она на гнездование и Г.И.Полякову (1924), который коллектировал под Москвой много лет. Г.И.Поляков указывает только, что в начале 1890-х Д.Н.Кайгородов нашёл гнездо юрка в Михайловском парке (Подольский р-н) и приходит наблюдения К.А.Воробьёва (1925), который в течение лета несколько раз встречал юрков и наблюдал 1 июня и 2 июля 1920 поющих самцов этого вида близ Растворгуса и Вострякова (Подольский р-н).

В июне 1938 эта птица была отмечена нами близ дер. Луцино Звенигородского р-на, а 8 июня 1950 близ ст. Крюково Октябрьской железной дороги Е.П.Спангенберг добыл самца из пары, державшейся в гнездовом районе (семенники имели 11 мм в диаметре). 2 июня 1951, осматривая колонию дроздов у р. Талицы, близ дер. Щеглово (Пушкинский р-н), мы заметили парочку юрков, которые, прилетев на шум белобровиков *Turdus iliacus*, вели себя очень беспокойно, что указывало на наличие гнезда. Ближе к реке, в смешанном берёзовом лесу с черёмухой, прилегавшем к заболоченному участку ольшатника, был замечен слёток этого вида, уже хорошо перепархивавший с дерева на дерево, который и был добыт; его вес — 17.5 г, рулевые были ещё очень короткие.

Чириканье молодого юрка напоминает голос слётков зяблика *Fringilla coelebs*, но несколько громче и ещё более, чем у последнего, похоже на чириканье молодых воробьёв. По голосу мы нашли ещё 2 птенцов юрка, одному из которых самец скормил целый комочек жуков. В желудке добывшего птенца оказались также жуки: жужелицы *Platisma* sp. — 1-2 экз., *Amara* sp. — 1 экз.; стафилин *Philonthus* sp. — 1 экз.; навозники-водолюбы *Sphaeridium* — не менее 2 экз.; навозники *Aphodius* (2 вида) — не менее 5 экз.; дровосек *Cerambicidae* (ближе не определённый) — 1 экз.; листоед *Chrysomela* sp. — 1 экз.; долгоносики *Phillobius* sp. — не менее 3 экз. и мелко раздробленный хитин жуков, не поддающихся определению.

В тот же день мы видели таких же слётков у зябликов, следовательно, кладка яиц и выкармливание птенцов у юрка под Москвой идёт примерно в те же сроки, как у близкого вида — *Fringilla coelebs*.

14 июля того же 1951 г. был слышен крик юрка в ельнике у ст. Железнодорожная Горьковской железной дороги (в 23 км от Москвы), а 19 августа 1952 один юрок, вместе с зябликами кормившийся семенами сорняков,

* Э.А.Бекштрему принадлежит и незаслуженно забытое орнитологами указание на гнездование в Мещере свиристеля *Bombicilla garrulus*.

был отмечен В.И.Осмоловской на участке дач между станциями Зеленоградская и Софрино Северной железной дороги (в 43 км от Москвы).

9 мая 1953 в солнечный день мы прошли лесными опушками около 20 км с целью выяснить, было ли отмеченное в предшествующем году гнездование юрка единичным или это явление более частое. Маршрут шёл от "Платформы 43-й км" Северной железной дороги к с. Талицы, далеко по краю дубового леса к берегу р. Талицы и по её правобережью смешанным лесом вниз по течению реки мимо деревень Щеглово и Никольское. На этом пути были найдены, несомненно, гнездящиеся юрки в четырёх местах. Первое встреченное нами гнездовье было в разреженном берёзово-осиновом лесу с одиночными елями и сырьими луговинами — к востоку от с. Талицы, где была большая колония дроздов-рябинников *Turdus pilaris*. Самец юрок непрерывно пел, перелетая в кронах берёз и осин. Его хрипловатое "жжэээ" раздавалось через каждые 15-30 с. Юрк пел много усерднее зябликов, которые среди дня отдыхали. Второе гнездовье было обнаружено не доходя дер. Щеглово в широком сырому лесном овраге с ручьём, где росли осина, берёза и ольха (несколько крупнее, чем жердняк) и одиночные крупные ели. Юрк пел в кронах и, заметив нас, не улетел, а беспокойно перепархивал, издавая звонкое отрывистое чириканье. Третий и четвёртый выюрки были найдены у долины р. Талицы, близ дер. Никольское, в смешанном ольхово-осиновом лесу и в смешанном осиново-берёзовом лесу с примесью елей, на левом берегу Талицы, ниже Никольского.

Во всех случаях на месте, облюбованном юрками, были гнездовые колонии дроздов-рябинников. Эти птицы хорошо охраняют участок колонии от соек *Garrulus glandarius*, сорок *Pica pica* и других мелких разорителей гнёзд, что, быть может, и привлекает юрков. Мы наблюдали (весной 1950 и 1951 в Харовском р-не Вологодской обл.), что юрки гнездятся в числе значительно большем, чем зяблики, по заболоченным долинам рек с разреженными насаждениями берёзы и ольхи. Сходные сырьеватые лиственные насаждения, образующиеся на месте вырубленных ельников, юрок заселяет и под Москвой.

Европейская ореховка *Nucifraga caryocatactes caryocatactes* L. Не только об условиях гнездования, но и о районах, где ореховка гнездится в Подмосковье и соседних областях, известно крайне мало. Г.И.Поляков (1924) отмечает только, что в центральной части Европейской России южная граница её гнездовой области "проходит через губернии Смоленскую, Калужскую и Московскую". Однако Г.Л.Граве (1926) в работе, появившейся двумя годами позднее, о гнездовании ореховки в бывшей Смоленской губернии говорит только предположительно, ссылаясь на наблюдения П.П.Сушкина и сведения В.В.Станчинского.

Е.С.Птушенко и Н.А.Гладков (1933), в течение ряда лет изучавшие птиц района Переяславского озера (Ярославская обл.), пришли к выводу, что типичная форма ореховки "появляется в различных местах района наблюдений в конце осени и начале зимы, притом не ежегодно и в разном количестве" (с. 208). Они, очевидно, не имели данных о её гнездовании. По их же словам, тонкоклювая кедровка — редкая гнездящаяся птица еловово-лиственных лесов юго-западной Переяславщины. Последнее указание, не-

сомненно, относится к единичным парам, случайно оставшимся в центральных районах после предшествовавшей большой инвазии сибирских кедровок.

По нашим, правда, довольно отрывочным наблюдениям, европейская форма ореховки не особенно редка на гнездовые как в Переславщине, так и западнее — в пределах Московской обл. В конце апреля (19-21 числа) 1953 несколько, несомненно, гнездящихся пар кедровок этой формы были найдены в окрестностях с. Рогозинино, у р. Нерль, в 16-17 км восточнее Переславля Залесского, близ шоссе Москва—Ярославль (в 155 км от Москвы). Здесь густые сомкнутые ельники чередуются с вырубками, поросшими лиственным мелколесьем. Как на вырубках, так и в ельниках много лещины *Corylus avellana*. На пнях и колодах часто встречались кучки скорлупы орехов, расколотых ореховкой.

Как известно, эта птица в гнездовое время очень скрытна, но у неё есть одна привычка, кажется, ещё не отмеченная в литературе, которая очень облегчает поиски ореховки весной. При тихой погоде как на утренней заре, ещё до кормёжки, так и вечером, вскоре после захода солнца, ореховка садится на верхушку большой ели и довольно долго кричит, присоединяя свой хриплый голос к общему весеннему хору. При этом птица долго не слетает с одного дерева, и к ней легко подойти на выстрел.

Три пары ореховок, встреченных нами 19-21 апреля 1953, держались в 2-4 км одна от другой, все на границе высокоствольных тёмных ельников и застраивающих вырубок с лиственным мелколесьем или жердняками и луговыми полянами. В предшествующий год был очень большой урожай лещины, что, видимо, облегчило зимовку кедровок. Зима 1952/53 г. была довольно мягкая, за исключением февраля, в течение которого стояли устойчивые сильные морозы, что в сочетании с многоснежьем вызвало гибель соек под Москвой и Переславлем. (У с. Софрино после схода снега мы нашли остатки 2 замёрзших соек, у с. Рогозинино — 4 соек).

30 апреля 1945 мы слышали на утренней заре частые крики ореховок в довольно большом массиве дубово-еловых лесов с подседом из лещины несколько восточнее ст. Бужениново Северной железной дороги и одну из них добыли. В её подъязычном мешке оказался большой комок земляных червей и несколько насекомых — корм, который она несла птенцам. 18 июля 1952 юго-западнее Яхромы в елово-широколиственном лесу с лещиной слышал ореховку С.В.Кириков (устн. сообщ.).

Утром 1 и 3 мая 1954 в довольно большом еловом массиве, занимающем холмистую местность с ручьями, пересекаемую шоссе Москва—Рогачёв, мы слышали примерно на широте ст. Икши (западнее этой станции) крики ореховки на окраине большой вырубки с порослью лещины и полянами. Ф.К.Лоренцу (1894) самку ореховки с насыдным пятном доставили в июле 1892 из района ст. Подсолнечное (Октябрьской железной дороги), т.е. из местности, расположенной на западной окраине того лесистого района, к которому относятся наблюдения выше и С.В.Кирикова.

Г.И.Поляков в примечании к статье С.И.Огнева (1911) указывал, что ореховка в Погонно-Лосином острове держится в течение круглого года. (Все другие приведённые Г.И.Поляковым указания касаются осенних встреч ореховок и могут относиться не только к местным, но и к кочующим или

залётным птицам.) Гнездование ореховок в этом ближайшем к Москве еловом массиве, тоже изобилующем лещиной, наблюдается и в наши дни. И.К.Андреев сообщил мне, что в летние месяцы 1943-1947 ореховки неоднократно прилетали ранними утрами на его дачный участок в посёлке Перловка и истребляли недозревшие лещинные орехи. П.В.Суслова (1937) отметила, что в Желтовских лесах Карабинского р-на, близ южной границы ареала ели, типичная форма кедровки водится тоже в насаждениях с зарослями орешника.

Таким образом, связь гнездования ореховки с распределением лещины устанавливается наблюдениями в ряде точек; поэтому утверждение А.К.Рустамова (Птицы Советского Союза, 1954), что типичная форма ореховки экологически тесно связана с елью, не совсем точно. В Подмосковье у южной границы своего ареала ореховка, несомненно, охотнее держится в лесах с подседом из лещины; весной в чистых ельниках мы её не встречали ни разу. Не случайно также, что ельники, избранные для гнездования, обычно расположены по соседству с вырубками, мелколесьем и полянами. Как известно, ореховка гнездится очень рано, птенцы, видимо, вылупляются тогда, когда в ельниках ещё лежит глубокий снег. Поляны и лиственное мелколесье освобождаются от снега значительно раньше, почва их быстро оттаивает, поэтому и добывание животного корма на таких местах ранней весной идёт значительно успешнее, чем в тёмных и холодных ельниках.

Лесная завишка *Prunella modularis modularis* L. Ф.К.Лоренц (1894), много лет изучавший животный мир бывшей Московской губернии, считал эту птицу только пролётной, но позднее выяснилось, что она здесь гнездится, хотя и в небольшом числе. С.И.Огнев (1911) описал гнездо завишки с кладкой из 6 яиц, найденное им в июне 1908 в Тесовском лесном массиве бывшего Можайского уезда. По его данным, гнездовой биотоп завишки — спелый сосновый лес с подседом из молодых елей и орешника; гнездо было на молодой ёлочке на высоте около 70 см от земли. Г.И.Поляков в редакционном примечании к указанной статье С.И.Огнева приводит ещё ряд данных о гнездовании завишки под Москвой.

Мы нашли гнездо этого вида с полной кладкой в густом подросте ели в июне 1938 близ дер. Аниково Звенигородского р-на, а 4 июня 1941 — гнездо с 4 только что вылупившимися птенчиками и 1 яйцом близ дер. Луцино того же района. Эта пара завишек жила среди довольно большого участка очень густого, почти непролазного елового молодняка 5-метровой высоты, окружённого смешанным лесом. Гнездо было сделано из зелёного мха и отчасти лишаев и хорошо укрыто на высоте 1.5 м от земли в вершине небольшой, очень густой ёлочки. По толщине, плотности стенок и мягкой выстилке гнездо завишки напоминает постройку зяблика или других выюрков. Птенцы имеют довольно густой чёрный пух на спине и голове; утолщенные каёмки рта — беловатые. Достаточно густая опушённость спинной поверхности птенцов указывает на приуроченность гнездовий вида к относительно холодным районам*.

* У черноголовой славки *Sylvia atricapilla*, устраивающей в том же ярусе леса гораздо более рыхлые гнёзда и живущей под Москвой рядом с завишками, вылупляющиеся птенцы совершенно не имеют пуха.

22 апреля 1950 на вечерней заре мы видели несколько поющих, несомненно, местных завирушек в молодых и частых ельниках у ст. Бужениново Северной железной дороги (Загорский р-н), а 21 июня — поющего самца у сырватой травянистой лужайки, окружённой смешанным лесом с чащами молодого елового подроста близ дер. Фомкино Пушкинского р-на. Поющий самец завишки сидит всегда на одной из вершинных ветвей крупного дерева, тогда как в обычное время эта птичка держится очень скрытно у земли, в густой чаще.

Интересно отметить, что в сомкнутых молодых ельниках в период предзимья снег гораздо позже покрывает землю, чем в других участках леса, и почва успевает сильно промёрзнуть. Весной, особенно при радиационном типе таяния, в таких ельниках снег сходит на 10-18 дней позже, чем в светлых лиственных лесах, и почва долго не оттаивает. Летом в этих еловых чащах всегда тенисто, прохладно при более высокой влажности. Таким образом, гнездовой биотоп лесной завишки в Московской обл. представляет участки леса, наиболее приближающиеся по микроклиматическим условиям к типичным таёжным.

Г.Л.Граве (1926), несмотря на имевшееся определённое указание В.В.Станчинского о гнездовании лесной завишки в бывшей Смоленской губернии, сомневался в регулярности этого явления и соглашался считать этот вид “в крайнем случае... очень редкой гнездящейся птицей...” (с. 57). В Подмосковье она хотя и гнездится регулярно, но далеко не везде и достаточно редка, во всяком случае в несколько раз малочисленнее, чем на хорошо мне знакомом северо-востоке Костромской области (Поназыревский район). Поэтому трудно согласиться с утверждением, что завишка “в областях Новгородской, Смоленской, Московской — обычная гнездовая птица” (Птицы Советского Союза, 1954, с. 626).

Белая лазоревка *Parus cyaneus cyaneus* Pall. Замечание Г.И.Полякова (1924), что эта синичка “в качестве гнездящейся птицы в центральной части Европейской России отмечена только для Тверской и Смоленской губерний” (причём для последней со знаком вопроса) указывает на необходимость накопления фактов, касающихся деталей географического распределения этого вида. В Московской обл. гнездящиеся князьки мной встречены только в одном месте: 30 апреля-2 мая 1932 при охоте на уток в пойме р. Дубны, близ дер. Нушиполи, мы в течение многих часов наблюдали за двумя парочками этих синиц, жившими в зарослях крупных ив, чередующихся с кустами и тростником, окаймлявшими болота. По поведению это были, несомненно, местные птицы. Выше по течению той же р. Дубны — в районе с. Заболотье — в 1953 и 1954 годах в конце апреля - в первых числах мая несколько парочек князьков наблюдал В.Е.Флинт (устн. сообщ.).

Другая ближайшая к Московской обл. точка, где нам приходилось наблюдать гнездящихся белых лазоревок — болотистая и очень топкая долина реки Нерли ниже выхода её из оз. Сомино, в окрестностях с. Усолье Переяславского р-на Ярославской обл. 23 и 24 мая 1941 мы видели здесь князьков, носивших корм в ольхово-ивовую опушку болотистого луга. Эта местность полосой болотистых лесов соединяется с бассейном Дубны, который расположен немного юго-западнее Нерли. Таким образом, на крайнем се-

веро-востоке Московской обл. имеется район с заболоченными долинами лесных рек, где князёк, видимо, гнездится более или менее постоянно.

Приведённые здесь данные о гнездовании ореховки, юрка и лесной завишки относятся к последним десятилетиям, что может создать представление о недавнем вселении этих птиц на территорию Московской обл. В действительности, появление новых фактов связано скорее всего не с расселением птиц, а с некоторым повышением точности орнитологических наблюдений за последний период.

В лесах Подмосковья численность видов и особей птиц, характерных для тайги, таких как буроголовая гаичка *Parus atricapillus*, клёст-еловик *Loxia curvirostra*, снегирь *Pyrrhula pyrrhula*, чёрный дятел *Dryocopus martius*, мохноногий сыч *Aegolius funereus*, рябчик *Tetrastes bonasia*, вместе с упомянутыми выше видами довольно велика. Интенсивные рубки леса, образование площадей лиственного мелколесья с отдельными островами еловых насаждений не вызывают заметного сокращения численности и изменения границ ареалов большинства птиц этой группы. Только чёрный дятел, гнездящийся в стволах осин и сосен большого диаметра, в Подмосковье быстро отступает по мере сокращения площади высокоствольных лесов. В дуплах, выдолбленных желной, обычно гнездятся и мохноногий сыч, серая неясыть *Strix aluco*, клинтух *Columba oenas*; поэтому с сокращением числа крупных дуплистых деревьев вытесняются и эти виды. Мохноногий сыч хорошо уживается даже на молодых, возобновляющихся гарях и вырубках, если среди них сохраняются отдельные дуплистые стволы*.

Из охотничьих птиц, связанных с хвойным лесом, рябчик хорошо уживается в мелколиственных жердняках, если в них имеются еловый подрост и отдельные семенные ели. (В густых елях рябчики укрываются от непогоды поздней осенью и зимой, когда им ещё нельзя закапываться в снег; эта хвойная порода как укрытие для рябчика совершенно необходима.) Заметное сокращение количества рябчиков под Москвой за последнее столетие вызвано не столько изменением состава лесных насаждений, сколько непрерывным увеличением числа охотников и интенсивности отстрела. Последнее в ещё большей мере относится и к другой таёжной птице — к глухарю *Tetrao urogallus*, который в Подмосковье без специальной охраны в охотничьих хозяйствах, вероятно, уже был бы полностью истреблён, так как подвергается более настойчивому и постоянному преследованию со стороны охотников.

Заросли лещины, молодого елового подроста, лиственные жердняки, появляющиеся на местах рубок, как было выше отмечено, необходимы для существования ряда таёжных птиц (ореховки, лесной завишки, рябчика, юрка, гаички). С другой стороны, для желны вырубленные участки теряют своё значение как стация гнездования на период в 80-100 лет; лесосеки привлекают её только в том случае, если на них имеются крупные пни с личинками златок и усачей. Она прилетает долбить эти пни и в гнездовое время и зимой в период кочёвок.

* Мохноногий сыч был встречен нами в гнездовое время в Звенигородском районе, где желна ещё достаточно многочисленна.

Приведённые факты указывают на то, что требования к среде у лесных птиц описываемой группы довольно различны, поэтому изменения состава и возраста лесных насаждений под влиянием хозяйственной деятельности людей вызывают несходные реакции популяций гаички или ореховки, юрка или завиушки. Изменения эти не синхронны, могут иметь противоположные направления и развиваться с различной скоростью. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить быстрое истребление глухаря и вытеснение желны с устойчивостью популяций клеста, гаички и т.п. Дальнейшее изучение вопроса о влиянии лесного хозяйства на фауну птиц Подмосковья представляет несомненный интерес.

Литература

- Бекштрем Э.А. 1927. О фауне зверей и птиц Рязанской Мещеры // *Материалы к изучению флоры и фауны Центральной промышленной области*. М.: 32-33.
- Воробьёв К.А. 1925. Орнитологические исследования в Московской губернии // *Tr. гос. музея Центрально-промышленной области* 1: 1-23.
- Граве Г.Л. 1926. Очерк авиафуны Смоленской губернии // *Tr. Общества изучения природы Смоленского края* 3: 1-64.
- Огнев С.И. 1911. Орнитологические наблюдения в Московской губернии // *Орнитол. вестн.* 2: 121-133.
- Поляков Г.И. 1924. *Птицы Богородского уезда с параллельным списком птиц остальной части Московской губернии*. М.: 1-90.
- Птицы Советского Союза. 1954. М., 5: 1-803, 6: 1-792.
- Птушенко Е.С., Гладков Н.А. 1933. Материалы к познанию орнитофауны Ивановской области // *Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол.* 42, 2: 199-213.
- Суслова П.В. 1937. Материалы по птицам пограничной полосы лесов в пределах Западной области // *Памяти акад. М.А. Мензбира*. М.; Л.: 503-550.
- Сушкин П.П. 1897. В Смоленской губернии // *Годичный отчёт МОИП за 1896-1897 гг.* М.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилегающих частей северо-западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-320, 2: 1-436.
- Lorenz Th. 1892. Die Vögel des Moskauer Gouvernements // *Bull. Soc. Natur. de Moscou* 6: 263-321.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 224: 586-587

Гнездование вьюрка *Fringilla montifringilla* на юге Горьковской области

В.И.Аникин

Второе издание. Первая публикация в 1963*

В Горьковской области вьюрок *Fringilla montifringilla* отмечался на гнездование лишь в самых северных районах. Он населяет там главным образом сырье елово-пихтовые леса. На юге области вьюрок зарегистрирован только

* Аникин В.И. 1963. Гнездование вьюрка на юге Горьковской области // *Орнитология* 6: 463.

на пролёте (Козлов, Кипарисов 1955). Летом 1961 выюрок найден нами в Чернухинском районе в окрестностях биостанции Горьковского университета (80 км южнее Горького). Этот участок заказника станции представлен старым смешанным лесом с преобладанием хвойных пород. 8 мая наблюдалась самочка выюрка, строящая гнездо. Она собирала материал в радиусе 30 м. Самец находился рядом, гонял подлетавших к дереву зябликов *Fringilla coelebs*. Гнездо располагалось на горизонтальной лапе ели на высоте 15 м от земли, в 1 м от главного ствола; экспозиция восточная. Сверху гнездо прикрывалось другой нависшей лапой. Оно сильно напоминало гнездо зяблика, но было несколько массивнее; его размеры, мм: внешний диаметр 130, высота гнезда 60, диаметр лотка 65, глубина лотка 35. Основной материал стенок гнезда — сухие стебли и метёлки злаков, волокна мочала, а также сухие соцветия зонтичных и сложноцветных. Снаружи гнездо облицовано толстым слоем лишайников. В основном это *Usnea*, в меньшем количестве *Parmelia sulcata* и *P. phisodes*. В нижней части гнезда среди лишайников попадаются веточки мха *Hypnum*. Частички лишайников и мха в облицовке прочно скреплены паутиной. Основу выстилки гнезда составляли перья различных птиц (сойка, зяблик, дрозд); в небольшом количестве — шерсть собаки и конский волос. По окончании постройки птицы неоднократно наблюдались на гнездовом участке. 10 мая в том же лесу, примерно в полукилометре, была отмечена ещё одна пара выюрков. Таким образом, в настоящее время выюрок гнездится в южной части Горьковской области.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 224: 587

Первый случай гнездования выюрка *Fringilla montifringilla* в Литве

Ю.Н.Сташайтис

Второе издание. Первая публикация в 1982*

Самца выюрка *Fringilla montifringilla* мы наблюдали 28 июня 1978 на территории национального парка севернее г. Игналина у озера Алмаяс. 2 июля нам удалось обнаружить самку выюрка с выводком. Выходок слётков, подзываемых самкой, продвигался по густому сосняку. Самца в течение двух дней мы продолжали наблюдать на месте встречи. Это первый известный случай гнездования выюрка в Литве.

* Сташайтис Ю.Н. 1982. Первый случай гнездования выюрка в Литве //Орнитология 17: 173.

Перепел *Coturnix coturnix* в Псковской области

С.А.Фетисов

Национальный парк “Себежский”, ул. 7 Ноября, 22, г. Себеж, Псковская область, 182250; Балтийский фонд природы Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034 Россия

Поступила в редакцию 10 апреля 2003

Описывая биологию перепела *Coturnix coturnix* на Северо-Западе России, А.С.Мальчевский и Ю.Б.Пукинский (1983) отметили, что его распространение и характер пребывания в Ленинградской обл. отличаются большой неопределенностью. То же самое справедливо и для Псковской обл. — как в конце XIX, так и на протяжении всего XX в. Несмотря на то, что северную границу гнездовой части ареала перепела в европейской части России проводят по южным берегам Ладожского и Онежского озёр (Потапов 1987), а на север он может проникать и даже гнездиться у южных берегов Белого моря (Карташев 1952; Иванов 1976), на Псковщине, как и в ряде соседних регионов (Мальчевский, Пукинский 1983; Тауриныш 1983; Viht 1994), перепел, по-видимому, не имеет постоянных мест размножения, где бы он гнездился ежегодно. Появившись в какой-то местности на одно или два три лета, он исчезает потом на несколько лет. Кроме того, многие самцы не задерживаются подолгу в одном месте, а довольно широко перемещаются по гнездовым стациям.

Из-за того, что перепел размножается в Псковской обл. нерегулярно и в небольшом числе, сведения о его биологии здесь практически отсутствуют. Для того, чтобы точнее представить историю и направления изучения этого вида на рассматриваемой территории и понять особенности его экологии и современный статус, автор обобщил все известные ему материалы о перепеле в Псковской области.

Распространение, места обитания и встречаемость перепела

Первые, к сожалению, совершенно фрагментарные литературные сведения о пребывании перепела на территории нынешней Псковской обл. относятся к концу XIX в. Они свидетельствуют о том, что перепел был известен тогда даже в наиболее северных уездах — Псковском и Гдовском*. Правда, в Гдовском уезде перепела встречались очень редко (Порчинский 1872), но иногда и там они попадали под ружейный выстрел: например, 10 июня 1879† одного самца добыл для коллекции И.Д.Михаловский (Бихнер 1884). В Псковском уезде, по данным К.М.Дерюгина (1897), перепела гнездились в 1890-х “в открытой местности”. Однако достоверно факт размножения вида в Псковской губ. был впервые доказан только в 1906, когда под Изборском нашли гнездо с насиженной кладкой (Зарудный 1910).

* В конце XIX в. Гдовский уезд ещё относился к Санкт-Петербургской губернии; в состав Псковской губернии он вошёл только в 1927 (Пожидаев и др. 1988).

† Все даты приводятся по новому стилю.

Ссылаясь на наблюдения А.А.Щетинского, Н.А.Зарудный (1910) пишет, что в окрестностях Пскова перепел стал встречаться “в заметном числе” только с 1880-х годов*. По сведениям самого Н.А.Зарудного, в самом конце XIX-начале XX вв. он был нередок на гнездовые в самых разных уездах Псковской губернии. В Псковском уезде его более или менее регулярно наблюдали под самым Псковом, около сёл Рытомы[†] и Барышова, около Изборска, Раменев и в других местах. В Порховском уезде перепел в некоторые годы был довольно обычен в окрестностях Порхова; в очень небольшом числе гнездился в имении Гора (близ ст. Новоселье), а также около сёл Катежно и Дубровны. В Островском уезде — лишь в отдельные годы — его находили под Островом и около с. Бело-Никольское[‡].

В 1924 году первые сведения о перепеле появились, наконец, и из наиболее южных уездов Псковской губернии — Невельского и Себежского[§]. По данным А.В.Федюшина (1926), он гнездился там, хотя и в небольшом числе, по сухим сенокосам и полям, как и в других северных частях тогдашней Витебской губернии. Его голос был хорошо известен местным жителям Себежского уезда (А.Ф.Ревенкова, устн. сообщ.; и др.).

После Второй мировой войны до 1970-х годов в литературе не появлялось никаких сообщений о перепеле в Псковской обл. Правда, на юге области в те годы орнитологические исследования практически не велись. Но и из северной части области, где с 1947 г. постоянно работали орнитологи Псковского педагогического института, сведений о нём не поступало**. Тем не менее, по опросам старожилов Себежского района, в 1950-1960-х перепела токовали в отдельные годы на окраинах полей зерновых на территории таких нынешних волостей, как Долосчанская, Идрицкая, Лавровская, Осынская и Томсинская.

В современный период, когда орнитологи стали регулярно бывать в самых разных частях Псковской области, общая картина встреч с перепелами выглядит следующим образом.

1970-е. В *Пушкиногорском* р-не А.С.Мальчевский (1981) отметил в 1975 “бой” перепела в долине Сороти в окрестностях Пушкинского заповедника. В *Себежском* р-не С.А.Фетисову с помощью собаки удалось в 1971 году обнаружить два выводка перепела на поле в урочище Радуни в Идрицком сельсовете. Кроме того, в 1976 в том же районе перепелов наблюдал в Томсинском сельсовете на полях и сенокосных лугах возле дер. Ноглово мастер леса Л.В.Павлов (Фетисов и др. 2002).

* С 1880-х годов перепел заселил и Эстонию (Kumari 1954 — цит. по: Viht 1994).

† Названия всех несохранившихся населённых пунктов даны в том написании, в каком они приведены в литературе; всех сохранившихся — как принято в настоящее время.

‡ Из других уездов о перепеле просто не поступало сведений, однако по мнению Н.А.Зарудного (1910), он был распространён в Псковской губернии “гораздо шире, чем об этом можно было бы думать”.

§ До 1924 года Невельский и Себежский уезды входили в состав не Псковской губернии, а Витебской (Пожидаев и др. 1988).

** В тот же период в Латвии было отмечено неуклонное уменьшение численности перепела, так что к 1970-м годам он стал встречаться там лишь спорадически. За 30 лет, в 1950-1970-х годах, орнитологи Латвии наблюдали перепела в разных частях страны не более 20 раз (Тауриньш 1983).

1980-е. В Себежском р-не И.В.Ильинский и С.А.Фетисов слышали вечером “бой” перепела 6 июля 1983 на сенокосном лугу в Мостищенском сельсовете возле дер. Ашково. Ещё трёх самцов автор регулярно регистрировал по голосу с 27 мая по 10 июля 1986 на полях на юго-восточной окраине дер. Осыно в Лавровском сельсовете (однако выводка позднее найти не удалось). Самцы держались не менее чем в 1 км один от другого: два — на краю полей, засеянных рожью *Secale cereale*, один — на засеянном травой поле. 6 июня 1987 И.В.Ильинский и В.А.Фёдоров в тех же местах вновь слышали голос самца, но только на протяжении одного дня. Летом 1989 восточнее и юго-восточнее дер. Осыно токовало не менее 9 самцов (на площади примерно в 8 км²). Три из них держались на краю обширных совхозных полей с пшеницей *Triticum aestivum*, один — в огороде крайнего дома в дер. Осыно, два — на разнотравных посевных лугах на мелиорированных землях, один — на суходольном лугу с чахлой травой на опушке леса. На следующий год в окрестностях Осыно удалось отметить только 4 токующих самцов: все они активно “били” в первой декаде июля по краю полей, засеянных овсом *Avena sativa*. Затем перепела не появлялись возле дер. Осыно в течение пяти лет (Фетисов и др. 2002).

1990-е. В Великолукском р-не 21 июня 1994 один самец кричал на заросшем пыреем *Elytrigia repens* и куртинами люпина *Lupinus polyphyllus* поле с группами старых лип *Tilia cordata* и дубов *Quercus robur* недалеко от деревни Боровно в Урицкой волости (Бардин, Ильинский, Фетисов 1995).

В Куньинском р-не один самец отмечен по голосу 13 июня 1998 на пастбище между дер. Кривицы и берегом оз. Жижицкое (Фетисов, Головань, Леоке, 1998). В Невельском р-не, по данным егерей, в 1990-х годах перепел появлялся очень редко и далеко не каждый год. Всего один самец был отмечен и автором вечером 6 июня 1999 по голосу в сухом, заросшем чахлой редкой травой, щебёночном карьере севернее дер. Лобачево в Изочинской волости (Фетисов 1999). В Печорском р-не А.В.Бардин (2000) слышал активное токование одного перепела (почти беспрерывный его “бой” с 1 до 2 ч.) 28 июня 2000 в пойме р. Пимжи на юго-западном берегу Псковского озера. В Псковском р-не О.А.Шемякина и М.С.Яблоков отметили голос перепела 15 июня 2000 к северу от Пскова, в Верхолинской волости, на полях у деревни Замельничье и на залежных лугах у Мухино в окрестностях посёлка Елизарово (Шемякина 2001).

В Себежском р-не 13 мая 1996 один самец вновь токовал на разнотравном, преимущественно клеверном лугу (используемом в июле, после сено-коса, как пастбище) возле дер. Осыно. Начиная с 1998 перепелов отмечали в Себежском р-не три года подряд. В 1998 один самец токовал 27 июля возле дер. Нищи в Долосчанской волости. Ещё один, по данным В.Г.Барановского, регулярно “бил” в урочище Регелево в Дединской волости. В 1999 сразу 2 самца, которых было слышно у крайнего дома в деревне, кричали 25 июня возле Осыно. В 2000 два самца были зарегистрированы по голосу 9 июня в урочище Слобода Долосчанской волости, и два самца 15 июня-20 июля регулярно токовали возле дер. Осыно (Фетисов и др. 2002).

2000-е. В Псковском р-не О.А.Шемякина (2001), как и в 2000, учла голоса нескольких самцов 20 июня 2001 в Верхолинской волости. По её дан-

ным за 2000-2001, встречаемость перепела на полях у дер. Замельниче и на залежных лугах у дер. Мухино в окрестностях Елизарово (общая протяжённость маршрута 21.3 км) равнялась 0.3 ос./км, плотность — 0.9 ос./км².

В Себежском р-не в 2002 году на слух, по “бою” самцов, и с помощью спаниеля на застраивающих пустошах и покосах на местах залежей площадью около 3 км², расположенных к востоку от Осыно, 22-30 мая закартировано 8 гнездовых участков перепела (Фетисов 2002). Самцы держались тремя группами (из 3, 3 и 2 особей), каждая из которых располагалась не ближе 800-1300 м одна от другой, а в пределах одной группы самцы, возможно, даже общались визуально и хорошо слышали голоса друг друга. Все самцы облюбовали небольшие горки, на которых в 1990-х годах ещё возделывались совхозные поля, а потом они заросли травой, а местами и кустарником — ивняком *Salix* sp. и берёзой *Betula* sp. На всех горках травостой, состоявший в основном из мелких клеверов *Trifolium* sp., редких одуванчиков *Taraxacum* sp., манжеток *Alchemilla*, зверобоя *Hypericum perforatum* и разных злаков, почти повсеместно был более более низким (в мае не выше 15 см) и разреженным, чем на соседних участках, так что внешне все горки были похожи одна на другую.

Сроки пребывания и размножения, поведение

Об особенностях экологии перепела в условиях Псковской области до сих пор мало что известно.

Прилёт. Если судить о сроках прилёта по первым брачным крикам самцов, то, по данным Н.А.Зарудного (1910), в 1894 в ближайших окрестностях Пскова перепела появились 13 мая. Самцы токовали сразу в нескольких местах на полях вокруг урочища “Лужа”. В том же году 16-18 мая несколько токовавших самцов было добыто на пашнях около р. Абижи. В 1895 первый “бой” перепела зарегистрирован 15 мая (под Псковом) и 20-21 мая (в зеленях между Черёхой и Савиной Пустынью). В 1908 прилёт первых особей в окрестностях Пскова отмечен 18 мая, в 1914 (сразу в нескольких местах) — 2 июня (Нестеров, Никандров 1913, 1915).

Спустя примерно 100 лет, в Себежском р-не, где с 1982 в окрестностях дер. Осыно проводятся стационарные орнитологические наблюдения на полевой базе Биологического института Санкт-Петербургского университета, а с 1996 также сотрудниками национального парка “Себежский”, первые брачные крики самцов удалось зарегистрировать: в 1986 — 27 мая (два самца), в 1987 — 6 июня (один), в 1989 — 7 июня (один), в 1996 — 13 мая (один), в 2002 — 22 мая (3 самца сразу). Погода существенно влияет на голосовую активность самцов. Например, в июне 1986, когда в Себежском районе было очень холодно и регулярно шли дожди, перепела начали токовать в конце мая, но потом самцы молчали на своих гнездовых участках по несколько дней подряд или “били” очень вяло и редко.

Размножение. “Бой” самцов в Себежском районе продолжался в разные годы до 10-20 июля (соответственно в 1986 и 2000, дер. Осыно) и даже до 27 июля (в 1998, дер. Нища).

Для того, чтобы оценить вероятность гнездования перепела в 2002 году в окрестностях дер. Осыно, 22-30 мая автор неоднократно слушал “бой” токующих самцов и пытался вспугивать перепелов на их токовых (возможно,

гнездовых) участках. На одном из таких участков 27 мая самец, преследуемый спаниелем, сначала убегал и прятался в густой траве, продолжая время от времени кричать, пока не удалился от центра участка не менее чем на 200-250 м; потом взлетел и вернулся на прежнее место. Два других самца в тот же день и ещё два 30 мая только убегали или улетали от собаки и прятались. Хотя после этого они вновь начинали токовать, ни один из них не вернулся на то самое место, откуда его вспугнули первоначально.

27 и 30 мая собаке удалось два раза поднять по одному перепелу в 5-7 м от двух из пяти токующих самцов. Что это были за птицы — молчавшие самцы или самки, — осталось неизвестным. Как бы то ни было, но поиск гнёзд перепела в конце мая завершился ничем: возможно, из-за несовершенства методики поиска, а может, гнёзд просто ещё не было. К сожалению, продолжить эту работу в июне-июле автор не мог, но поиск выводков с собакой на той же территории в августе-сентябре также не дал результата.

В единственном пока известном гнезде перепела, найденном под Изборском, 17 июня 1906 было 8 сильно насиженных яиц (Зарудный 1910).

Вероятно, в Псковской области первые птенцы у перепела могут вылупляться в начале июля. По крайней мере, птенцы в двух выводках, часть из которых была поднята на крыло собакой в начале августа 1971 в урочище Радуни возле Идрицы, уже очень хорошо летали.

Отлёт. В конце августа 1989 перепелов в Себежском районе ещё встречали комбайнёры, убиравшие совхозные поля возле Осыно (Фетисов и др. 2002). В частности, С.И.Лабецкий видел двух особей на поле, засеянном ячменем *Hordeum vulgare*, 24 августа. По словам А.А.Щетинского, выводок пролётных перепелов был найден однажды под Псковом в первой декаде октября (Зарудный 1910). Для сравнения можно отметить, что в Тайцком охотничье хозяйстве, расположенном даже севернее, в Ленинградской обл., наиболее поздняя встреча зарегистрирована 9 октября (Мальчевский, Пукинский 1983). В Эстонии последние встречи перепелов зарегистрированы 10 октября 1953 и 18 ноября 1952 (Rootsmae, Rootsmae 1974, 1978 — цит. по: Viht 1994). Из Минской обл. перепела улетают с середины сентября до середины октября, одиночки задерживаются до конца октября (Шнитников 1913 — цит. по: Карташев 1952).

Обсуждение

По тем сведениям, которыми располагает автор, перепел на современной территории Псковской обл. зарегистрирован в течение 20 из 124 лет (если принять за начало отсчёта 1879 год, когда этот вид был отмечен в литературе впервые для области): в 1879, 1894-1895 (2 года подряд), 1906, 1908, 1914, 1971, 1975-1976 (2 года), 1983, 1986-1987 (2 года подряд), 1989, 1994, 1996, 1998-2002 (5 лет подряд). Конечно, частота наблюдений любого редкого вида, в том числе перепела — довольно условный и не очень надёжный показатель для объективной характеристики его пребывания (тем более размножения) в каком бы то ни было регионе, но сведения за 1879-1916 из Псковского уезда и за 1971-2002 из Себежского района более точны, так как в эти периоды на указанных территориях ежегодно работали как орнитологи-любители, так и профессионалы. По их данным, в Псковском уезде, на северо-западе Псковской губ., в конце XIX - начале XX вв. пере-

пел появлялся в среднем каждый шестой год, а в Себежском р-не, на юго-западе Псковской обл., в конце XX - начале XXI вв. — каждый третий. Как правило, после 2-3 лет присутствия в каком-то районе перепела исчезали потом на несколько (иногда много) лет.

По изложенным выше данным, к сожалению, нет возможности представить себе детальную динамику численности перепела в Псковской обл. Вероятно, она отражала картину изменения численности вида на всём Северо-Западе России и в Прибалтике. Так, в Ленинградской обл. в 1850-1860-х перепел был редким, в конце 1920-х и 1940-х более обычным; а в 1950-1970-х случалось, когда несколько лет подряд его можно было считать даже вполне обычным (Мальчевский, Пукинский 1983). Эстонию перепел начал активно заселять с 1880-х, достиг наибольшей численности в 1920-1950-е, но в 1970-1980-х последовала депрессия его численности, так что в конце 1980-х в Эстонии насчитывали всего 10-50 пар (Viht 1994). В Латвии, где перепел также был обычен в конце XIX в., с начала XX в. и до 1920-х он, по неизвестным причинам, тоже стал редким, особенно в северных районах и — несмотря на некоторое повышение численности во второй половине 1930-х и в конце 1940-х — стал встречаться лишь спорадически (Тауриньш 1983). Более того, в 1960-1980-х численность перепела на всём пространстве ареала почти повсеместно резко сократилась, в основном в результате химизации сельского хозяйства и неуёмной охоты на путях пролёта (Потапов 1991; Рябицев 2001; и др.).

В Псковской обл., как и в Белоруссии (Федюшин 1926; Никифоров и др. 1997; и др.), перепел поселяется в основном в агроландшафте, преимущественно на полях зерновых и на сухих лугах. Так, на полях было замечено, как минимум, 11 токующих самцов: на полях, засеянных овсом — 4, пшеницей — 3 и рожью — 2. Кроме того, одного самца слышали в огороде и одного на залеже. На разного рода лугах зарегистрировано не менее 16 токующих самцов: на запущенных мелиорированных — 8, на культурных лугах с сеянными травами — 4, на суходольных — 2, на пойменных — 2. Ещё один самец токовал на пастбище, а другой в сухом щебеночном карьере с весьма чахлой травянистой растительностью. В связи с застоем в сельском хозяйстве на протяжении последних 10 лет площадь полей с зерновыми культурами в Псковской обл. везде сильно сократилась, как и всех разновидностей лугов, которые стали зарастать кустарниками. Если ситуация не изменится, общая площадь гнездовых биотопов перепела в Псковской обл. скоро сильно сократится. Возможно, тогда плотность его гнездовых поселений в оставшихся благоприятных местах несколько возрастёт.

Примерно 100 лет назад прилёт перепела в окрестностях Пскова происходил 13 мая-2 июня (Зарудный 1910; Нестеров, Никандров 1913, 1915)*, в среднем 20 мая ($n = 4$, Псковский р-н, 1894-1914). Теперь его прилёт в южные районы Псковской обл. наблюдается 13 мая-7 июня, в среднем 27 мая ($n = 5$, Себежский р-н, 1987-2002). Скорее всего, сроки прилёта статистически значимо не изменились, но их качественная оценка затруднена,

* Ссылаясь на П.В.Нестерова и Я.Никандрова (1913), Н.Н.Карташев (1952) указывал, что перепела появляются под Псковом в начале мая, но не уточнил при этом, что эти даты исчислялись по старому стилю.

во-первых, из-за недостатка точных данных, а во-вторых, из-за очень широкого диапазона сроков прилёта перепела в Прибалтийском регионе. Например, в Эстонии первые перепела появляются уже в конце апреля (Viht 1994), а в Ленинградской обл. — только в третьей декаде мая. При этом некоторая часть особей в конце мая может находиться ещё на пролёте в странах Южной Европы. Так, один перепел, пойманный 30 июня 1935 в Ленинградской обл., был окольцован 40 днями раньше, 20 мая, в долине Роны во Франции (Карташев 1952; Мальчевский, Пукинский 1983).

По-видимому, период токования самцов перепела, как и у многих других видов птиц, соответствует тому периоду, когда самки способны откладывать яйца. Учитывая, что “бой” самцов в Себежском р-не продолжается до 10-20 июля (самая поздняя регистрация 27 июля 1998), появление новых кладок теоретически возможно по крайней мере до середины июля. В таком случае продолжительность периода откладки яиц может составлять около 1.5 месяца (июнь — первая половина июля). Такую растянутость сезона размножения в популяции можно объяснить несколькими причинами, важнейшими из которых, вероятно, следует считать “неодновременную физиологическую готовность к размножению самок различных возрастных групп” (Ульянин 1941 — цит. по: Карташев 1952) и появление дополнительных кладок взамен утраченных (Карташев 1952). То, что молодые самки приступают к размножению позднее старых, подтверждают и другие исследователи (Рябицев 2001).

Остаётся загадкой — как часто самцы перепела находят себе самок в Псковской области. Почти все собственные попытки автора найти гнездо или выводки перепела закончились неудачей; сведения на ту же тему, полученные из литературы и путём опроса охотников, также ничего не дали. Создаётся впечатление, что перепел здесь вообще крайне редко приступает к гнездованию, не говоря уже об успешном выведении птенцов. Вероятные причины тому следующие: 1) главную долю населения вида составляют холостые самцы, которые, не найдя самок, часто меняют свои токовые участки; 2) в популяции значительна доля молодых самок, которые размножаются в первый раз, поэтому их попытки загнездиться не всегда успешны; 3) в Псковской обл. высока разоряемость гнёзд перепела и смертность птенцов из-за хищничества, например, лисицы *Vulpes vulpes* и енотовидной собаки *Nyctereutes procyonoides*, которые везде многочисленны. В такой ситуации автор склонен предположить, что в Псковской обл. (56-59° с.ш.), в одной из периферийных частей области гнездования рассматриваемого вида, перепела появляются только после особенно успешного размножения и общего возрастания численности в центре ареала. Поэтому экспансии перепела в Псковскую обл. не носят строгой периодичности. Кроме того, в экспансиях участвуют, вероятно, в основном молодые особи*, как наиболее подвижная и не имеющая ещё территориальных привязанностей часть населения вида, а среди них — преимущественно самцы. После вторжения таких особей в новые районы в ходе расселения они в последующие годы,

* Годовых перепелов можно отличать от более старых при близком осмотре: у них 2-4 наружных маховых пера остаются от прошлогоднего наряда и поэтому сильнее обношены (Рябицев 2001).

вероятно, возвращаются сюда. Однако их число быстро сокращается в результате смертности*. Поэтому после каждой новой экспансии вспышка численности перепелов в Псковской обл. затухает уже через 2-3 года, и мы не наблюдаем выраженной преемственности гнездовых участков.

Последний подъём численности перепела в Псковской обл. и волна его экспансии в северном направлении в европейской части России отмечены во второй половине 1990-х и в 2001-2002. В самые последние годы он появился в местностях, где его давно не встречали, в том числе на севере Ленинградской обл. на р. Свири (Широков 2000) и в южной Карелии, где около г. Олонца даже обнаружили выводок (Артемьев 2001)†. Этому предшествовал существенный подъём общей численности вида в более южных регионах. Так, в Белоруссии численность перепела возросла в 1995-1996 годах примерно в 1.5 раза (Никифоров и др. 1997). В Себежском Поозерье, на юго-западе Псковщины, перепелиный “бой” в последнее десятилетие также стали слышать всё чаще: в 1996 году наблюдали 1 самца, в 1998 — 2, в 1999 — 2, в 2000 — 4 и в 2002 — 8 самцов.

Судя по приведённому выше перечню “перепелиных годов” и частоте описания мест встреч с токующими самцами, в последнее десятилетие перепел, по-видимому, был в Псковской области не менее обычным, чем в начале XX века

По оценке Н.А.Зарудного (1910) и В.Л.Бианки (1922), в начале ХХ в. перепел был сравнительно обычным как в Псковской губернии, так и на всём Северо-Западе России. Во второй половине ХХ в. Л.П.Урядова и Л.С.Щеблыкина (1993) отнесли его к редким гнездящимся видам Псковской обл. К началу XXI в. его статус заслуживает нового уточнения. По мнению автора, с учётом последних данных перепела следует считать нерегулярно пролётным и нерегулярно и редко гнездящимся перелётным видом. В отдельные годы он появляется в Псковской области на пролёте и столь же нерегулярно гнездится, скорее всего, только отдельными парами.

Литература

- Артемьев А.В. 2001. О гнездовании перепела *Coturnix coturnix* в Карелии // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 139*: 279-280.
- Бардин А.В. 2000. Встреча перепела *Coturnix coturnix* в низовьях Пимжи (юго-западный берег Псковского озера) // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 121*: 22-23.
- Бардин А.В., Ильинский И.В., Фетисов С.А. 1995. Орнитологические наблюдения на юго-востоке Псковской области // *Рус. орнитол. журн. 4*, 3/4: 111-116.
- Бианки В.Л. 1922. Распространение птиц в северо-западной части Европейской России // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук 23*, 2: 97-128.
- Бихнер Е.А. 1884. Птицы С.-Петербургской губернии: Материалы, литература и критика // *Тр. С.-Петербург. общ-ва естествоиспыт. 14*, 2: 359-624.
- Дерюгин К.М. 1897. Орнитологические исследования в Псковской губернии // *Тр. С.-Петербург. общ-ва естествоиспыт. 27*, 3: 17-38.
- Зарудный Н.А. 1910. Птицы Псковской губернии // *Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд. Сер. 8. 25*, 2: 1-181.
- Иванов А.И. 1976. Каталог птиц СССР. Л.: 1-276.

* Максимальный зарегистрированный возраст перепела — 8 лет (Рябицев 2001).

† Это первая гнездовая находка перепела в Карелии с начала 1930-х.

- Карташев Н.Н. 1952. Род Перепелы *Coturnix* Bonnaterre, 1791 // Птицы Советского Союза. М., 4: 133-148.
- Мальчевский А.С. 1981. Орнитологические экскурсии. Л.: 1-296 (Серия: Жизнь наших птиц и зверей. Вып. 4).
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. Птицы Ленинградской области: История, биология, охрана. Л., 1: 1-480.
- Нестеров П.В., Никандров Я.Н. 1913. Прилёт, пролёт и гнездование птиц в окрестностях г. Пскова // Ежегодник Зоол. музея Акад. наук 18, 1: 102-124.
- Нестеров П.В., Никандров Я.Н. 1915. Материалы к авифенологии окрестностей г. Пскова (1914 г.)//Птицевед. и птицеводство 6, 1: 38-48.
- Никифоров М.Е., Козулин А.В., Гричик В.В., Тишечкин А.К. 1997. Птицы Беларуси на рубеже XXI века. Минск: 1-188.
- Пожидаев И.С., Герасименок Т.Е., Федоров С.М., Карпов К.И. 1988. Административно-территориальное деление Псковской области (1917-1988): В 2-х кн. Справочник. Л.: 1-640.
- Порчинский И.А. 1872. О фауне позвоночных Гдовского уезда, Петербургской губернии // Тр. С.-Петербург. общ-ва естествоиспыт. 3: 371-402.
- Потапов Р.Л. 1987. Перепел – *Coturnix coturnix* (Linnaeus, 1758) // Птицы СССР: Курообразные, Журавлеобразные. М.: 10-19.
- Потапов Р.Л. 1991. Отряд Курообразные. Ordo Galliformes // Фауна мира: Птицы: Справочник. М.: 92-105.
- Рябицев В.К. 2001. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. Екатеринбург: 1-608.
- Тауриньш Э. 1983. Обыкновенный перепел *Coturnix coturnix* (L.) // Птицы Латвии: Территориальное размещение и численность. Рига: 71-72.
- Урядова Л.П., Щеблыкина Л.С. 1993. Наземные позвоночные животные Псковской области // Краеведение и охрана природы. Псков: 137-144.
- Федюшин А.В. 1926. Материалы к изучению птиц Белоруссии: О птицах Витебщины // Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол. 35, 1/2: 112-168.
- Фетисов С.А. 1999. Заметки по летней орнитофауне Невельского района Псковской области // Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 78: 3-19.
- Фетисов С.А. 2002. Встречи редких в Белорусско-Валдайском Поозерье птиц на псковской территории в бассейне реки Западной Двины в 2002 году // Красная книга Республики Беларусь: состояние, проблемы, перспективы. Матер. республик. научн. конф. Витебск: 207-209.
- Фетисов С.А., Головань В.И., Леоке Д.Ю. 1998. Орнитологические наблюдения в Кунинском районе Псковской области // Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 53: 3-20.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Федоров В.А. 2002. Птицы Себежского Поозерья и национального парка "Себежский". В 2 ч. СПб. 1: 1-152 (Тр. СПБОЕ. Сер. 6. Т. 3).
- Шемякина О.А. 2001. Структура населения птиц основных типов местообитаний под Псковом // Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 155: 691-694.
- Широков Ю.В. 2000. Встреча перепелов *Coturnix coturnix* на реке Свири летом 2000 года // Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 118: 21.
- Viht E. 1994. Common Quail *Coturnix coturnix* (L.)//Birds of Estonia: Status, Distribution and Numbers. Tallinn: 91.

Результаты наблюдений за питанием пищухи *Certhia familiaris* и длиннохвостой синицы *Aegithalos caudatus*

И.В.Прокофьева

Российский государственный педагогический университет,
Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 13 апреля 2003

Пищухи *Certhia familiaris* и длиннохвостые синицы *Aegithalos caudatus* в период послегнездовых кочёвок нередко входят в состав смешанных синичьих стай и кормятся при этом вблизи друг от друга. В остальное же время они большей частью встречаются в разных местах, т.к. в условиях Северо-Запада нашей страны у длиннохвостых синиц излюбленными местообитаниями являются смешанные леса вдоль речек, тогда как пищухи населяют не только смешанные леса, но и старые ельники, лиственные насаждения и антропогенные ландшафты (Мальчевский, Пукинский 1983). При таком образе жизни питание этих двух видов не может не иметь в одних случаях какие-то черты сходства, а в других, наоборот, существенные различия, что не может не представлять определённого интереса.

Наблюдения за пищухами и длиннохвостыми синицами мы проводили на юге Ленинградской области. Что касается первых, то часть полученных данных по их питанию уже была нами опубликована (Прокофьева 1973), но после этого удалось собрать ещё материал по питанию гнездовых птенцов, что позволяет сравнить состав их корма в разных местах и в разные по условиям годы. Наблюдения мы проводили в 1959, 1962 и 1972 годах в окрестностях деревень Рапти и Конезерье, а также в урочище Железо. Всего получено и обработано 70 порций корма и содержимое 2 желудков.

Длиннохвостых синиц, а именно взрослых особей, отстреляно немногого — всего 5 экз. Но если учесть, что ополовники, хотя и считаются у нас обычными птицами, не могут быть отнесены к многочисленным (Мальчевский, Пукинский 1983), и в связи с этим сведений об их питании в Ленинградской обл. совсем немного (Попелов 1955), то полученный материал заметно дополнит уже имеющиеся сведения. К тому же в желудках добывших птиц удалось обнаружить много пищевых объектов — свыше 300 экз. беспозвоночных. Отстреляны они были в 1955 и 1956 гг.

Пищухи в Ленинградской обл. начинают гнездиться рано — уже во второй декаде апреля можно встретить их гнёзда с полными кладками, а заканчивается гнездование, случается, спустя 2.5 месяца, т.е. в первых числах августа (Мальчевский, Пукинский 1983). При этом часть пар успевает вывести птенцов два раза за лето. Мы наблюдали за 3 гнёздами пищух, где выпулление птенцов происходило в период с середины мая по начало июня, т.е. это были не ранние гнёзда. Результаты наблюдений приведены в таблице 1. Из этой таблицы следует, что родители приносили птенцам больше всего пауков *Aranei*, затем двукрылых *Diptera* и, наконец, равнокрылых

Homoptera. На долю этих членистоногих приходилось 65.5% от всех подаваемых птенцами пищевых объектов.

Что же касается остальных видов корма, а именно сенокосцев *Phalangiidae* (*Opiliones*) и представителей 10 отрядов насекомых, то по числу экземпляров они в общей сложности составляли всего 34.5% рациона птенцов. Из пауков использовались в пищу *Xysticus* sp., *Philodromus* sp., *Araneus omoedes* и другие крестовики, а также *Clubiona phragmitis*, *Coelotes* sp., *Psocoptera* sp. и т.п., причём как имаго, так и личинки, а один раз был принесён даже кокон. Из двухкрылых птенцы получали много комаров-долгоножек *Tipula* sp., несколько меньше комаров *Aedes* sp., *Rhagio solopaceus*, представителей семейства *Limoniidae* и т.д. Равнокрылых в пище птенцов было несколько меньше. Это прежде всего тли, а также *Cixius nervosus* и другие представители подотряда цикадовых *Auchenorrhyncha*.

Из прочих насекомых некоторую роль, хотя и не очень значительную, играли в питании птенцов сеноеды *Psocodea*, а именно *Mesopsocus unipunctatus* и др. (7.2%), ручейники *Trichoptera* (6.8%) и тараканы *Blattodea* (5.9%). Остальные насекомые — чешуекрылые *Lepidoptera* (*Noctuidae* и др., имаго и гусеницы), перепончатокрылые *Hymenoptera* (личинки *Tenthredinidae*), ногохвостки *Collembola* (*Sminthurus* sp.), жуки *Coleoptera* (*Microcara testacea*),

Таблица 1. Значение пауков, сенокосцев, многоножек, моллюсков и разных групп насекомых в питании птенцов пищухи *Certhia familiaris*

Таксоны	Число экз.	
	абс.	%
<i>Arachnida</i>	88	37.2
<i>Aranei</i>	75	31.7
<i>Phalangiidae</i>	13	5.5
<i>Myriapoda</i>	1	0.4
<i>Mollusca</i>	2	0.8
<i>Insecta</i>	146	61.6
<i>Diptera</i>	48	20.3
<i>Homoptera</i>	32	13.5
<i>Psocodea</i>	17	7.2
<i>Trichoptera</i>	16	6.8
<i>Blattodea</i>	14	5.9
<i>Lepidoptera</i>	6	2.5
<i>Hymenoptera</i>	4	1.7
<i>Collembola</i>	3	1.3
<i>Coleoptera</i>	2	0.8
<i>Plecoptera</i>	2	0.8
<i>Neuroptera</i>	1	0.4
<i>Heteroptera</i>	1	0.4
Всего:	237	100.0

веснянки *Plecoptera* (*Nemoura variegata*), сетчатокрылые *Neuroptera* (личинки *Chrysopa* sp.) и полужесткокрылые *Heteroptera* (*Miridae*) были представлены в рационе птенцов единичными экземплярами. То же самое можно сказать и о многоножках *Myriapoda* (*Chilopoda*) и моллюсках. Только личинок сенокосцев *Phalangiidae* пищухи добывали для птенцов в несколько большем количестве: на их долю приходилось 5.5% от всех пищевых объектов.

Если сравнить результаты наблюдений, полученные в 1962 и 1972 годах (материалы 1959 года можно не принимать во внимание, т.к. их совсем немного), то оказалось следующее. В 1962 в пище птенцов пищухи на долю пауков приходилось от общего количества экземпляров корма 28.9%, на двукрылых 26.7%, на равнокрылых 12.2%, что в общей сложности составило 67.8%. Примерно то же самое получилось и в 1972. Эти три группы членистоногих составили 61.2% (пауки 32.1%, двукрылые 17.2%, равнокрылые 11.9%). Правда, в первый из этих двух лет несколько больше поедалось двукрылых, но эта особенность не может считаться существенной. Интересно другое: в 1962 на долю ручейников приходилось 15.5%, а в 1972 — всего 1.5%. Впрочем, такие различия вполне закономерны, если они вызваны тем, что в период наблюдений, да ещё когда вблизи места работы находился водоём, происходит масовый лёт насекомых, чьи личинки развиваются в воде.

Интересно, что такая картина, однако, наблюдается далеко не всегда. Другие исследователи, причём тоже в Ленинградской обл., наблюдали, что основу корма птенцов пищухи составляли двукрылые (88.5%), главным образом кровососущие комары *Culicidae* (80.0%), в то время как на долю других видов пищи приходилось всего несколько процентов или даже десятые доли процента (Божко, Андриевская 1960). Отмечали также, что даже если в корме птенцов, как и у нас, было больше всего пауков (34.9%), то на втором месте находились перепончатокрылые (27.9%), а на третьем бабочки (20.9%), причём среди перепончатокрылых преобладали муравьи *Formicidae* (Скляренко, Морозов 1987). Ещё в двух случаях в пище птенцов доминировали равнокрылые (Kristin 1990; Sukonen, Kuitunen 1991). И наконец, приходилось наблюдать, что основу питания птенцов наряду с пауками составляли тли и сенокосцы (Crosba, Török 1988). Таким образом, круг жертв пищух в гнездовое время достаточно широк и в зависимости от наличия и обилия корма эти птицы отдают предпочтения то одним видам пищи, то другим.

О частоте кормления птенцов мы уже писали (Прокофьева 1973). Тем не менее интересно сравнить наши данные с результатами наблюдений других исследователей (Божко, Андриевская 1960), полученными тоже в Ленинградской обл., но при работе с птенцами совсем другого возраста, чем были у нас. 19 июня 1959 мы наблюдали за пищухами, у которых были 2-3-дневные птенцы. За сутки родители принесли им корм 159 раз. Поскольку их “рабочий день” длился 17 ч, то получилось, что в среднем они приносили пищу в гнездо 9.3 раза в час. По данным же вышеупомянутых исследователей, наблюдавших 7 июня 1955 за 12-дневными птенцами, последние за сутки получили корм 457 раз, а частота прилётов в среднем составила 27-30 раз/ч. Что же касается продолжительности “рабочего дня” у той пары, то она была примерно такой же, как и в нашем случае — 16 ч

38 мин. Очевидно, это норма для пищухи в условиях белых ночей. Известно, что для пищух длина дня — важный фактор, определяющий возможности кормодобыывания, наряду с доступностью пищи и температурой среды (Kuitunen, Suhonen 1989).

В дополнение к сказанному отметим, что есть сведения, согласно которым при выкармливании птенцов самцы у пищух реже приносят в гнездо корм, чем самки (Jäntti *et al.* 1992).

Видя, как пищухи собирают корм, их легко отличить от всех других птиц по одному только поведению во время поисков пищи. Как известно, они обычно поднимаются по стволу по спирали. Однако иногда их удаётся наблюдать во время кормёжки на ветвях (Воинственский 1949; Иноземцев 1965а), на земле (Воинственский 1949; Carrascal 1986) и совсем редко в моменты ловли летающих насекомых в воздухе (Божко, Андриевская 1960). Впрочем, нам видеть их удавалось только на стволах и изредка на ветвях. Да ещё во время гнездования под крышей сарая в 1959 г. приходилось наблюдать пищух, собирающих пищу на стенах этого сарая и расположенной рядом сельской школы. Надо сказать, что аналогичное поведение пищух во время сбора корма наблюдали и другие исследователи (Сомов 1897; Формозов, Осмоловская 1950). Иногда, кормясь на стволах деревьев, пищухи поднимаются очень высоко. По одним данным, они добывают пищу на высоте 3-13 м (Иноземцев 1965а), по другим могут кормиться и на расстоянии от 1 до 15 м от земли (Apfelbaum, Haney 1977). Однако наблюдать их очень высоко или совсем близко от земли нам приходилось редко. Интересно, что на более низкой высоте им приходится кормиться при сильном ветре (Carrascal 1986).

На питании взрослых пищух мы специально останавливаться не будем, т.к. результаты анализа содержимого 11 желудков нами уже опубликованы (Прокофьева 1973). Обратим внимание только на два момента, представляющих особый интерес. Во-первых, было обнаружено, что летом, осенью и зимой основу питания взрослых птиц составляют 4 группы членистоногих: жуки, двукрылые, равнокрылые и пауки. Таким образом, те виды пищи, которые в наибольшем количестве получали их птенцы, являлись излюбленными объектами питания и взрослых особей, но только к ним добавлялись ещё жуки. Во-вторых, хотя известно, что в осенне-зимнее время в Ленинградской обл. пищухи, помимо насекомых и пауков, поедают в небольшом количестве ещё семена ели (Мальчевский, Пукинский 1983), последними растительные корма в диете не ограничиваются. В желудках двух пищух, добытых в январе, мы обнаружили, кроме семян ели, ещё и семена пикульника *Galeopsis* sp., взятые, скорее всего, из запасов синиц, размещённых под корой деревьев. Напомним, что в более южных районах, например, в горных лесах Карпат, использование пищухой семян травянистых растений вообще не является редкостью (Владышевский 1965).

Особенности питания пищух проявляются и тогда, когда они кормятся в составе смешанных синичьих стай. Выяснено, что конкуренция за пищу между членами таких стай снижена благодаря некоторым различиям в предпочтаемости кормовых субстратов (Henderson 1989).

Как показали наблюдения, сделанные в Ленинградской обл. (Зархидзе 1959), пищухи входили в состав 9% смешанных синичьих стай. А вот длин-

нохвостые синицы встречались в их составе несколько чаще, в 13% случаев. По наблюдениям в лесах Колтушской возвышенности, в осенне-зимний период пищухи были встречены в 17% смешанных синичьих стай, а длиннохвостые синицы — в 30% (Дьяконова 2000).

Питание длиннохвостых синиц мы изучали летом и осенью. Поэтому при сравнении мы исключили те материалы по пищухе, которые получены в январе. Выяснилось, что питание этих двух видов, входящих в состав смешанных синичьих стай, различается очень сильно. Так, мы уже писали о том, что, например, тлей можно обнаружить в осеннее время в желудках как пищух, так и длиннохвостых синиц (Прокофьева 1990), однако в ноябре у 6 убитых пищух мы нашли в желудках всего 2 тли, тогда как в 2 желудках длиннохвостых синиц этих насекомых оказалось 300 экз., что составило 98% от всех обнаруженных экземпляров корма. Ещё в 5 желудках длиннохвостых синиц 4% приходилось на гусениц чешуекрылых, а все остальные насекомые, а также пауки, являлись в полном смысле второстепенными видами пищи (табл. 2). Таким образом, если вспомнить то, что говорилось выше о питании взрослых пищух, то получается, что и тот, и другой вид птиц поедают одни и те же группы кормов, но в совершенно разном соотношении. Таким образом, серьёзной конкуренции между этими видами птиц, очевидно, не бывает.

Таблица 2. Состав корма длиннохвостых синиц *Aegithalos caudatus* по данным анализа содержимого 5 желудков

Таксоны	Число экз.	Число встреч
<i>Insecta</i>	324	5
<i>Homoptera</i>	302	2
<i>Aphididae</i>	300	2
<i>Psyllidae</i>	2	1
<i>Lepidoptera</i>	13 гусениц	3
<i>Geometridae</i>	1 гусеница	1
<i>Lepidoptera indet.</i>	12 гусениц	3
<i>Heteroptera</i>	2	1
<i>Diptera</i>	2 куколки	1
<i>Hymenoptera</i>	2 кокона	1
<i>Coleoptera</i>	2	1
<i>Aranei</i>	4	2
Всего:	328	

В летней пище длиннохвостых синиц мы обнаружили только гусениц и пауков, в осенней — много тлей и личиночные формы насекомых. Отметим, что в литературе тоже есть сведения о том, что в условиях Ленинградской обл. эти синицы поедают в большом количестве тлей (Поспелов 1953, 1955). Вопрос о том, могут ли они добывать скрытую добычу, например, гусениц златогузки *Euproctis chrysorrhoea*, одними исследователями решается положительно (Петров 1954), другими отрицательно (Дубровский 1958). Что касается нашего материала, то в нём скрытую добычу обнаружить не

удалось. Не содержалась в нём и растительная пища, хотя, может быть, это связано с отсутствием сведений по зиме и весне. Впрочем, в Ленинградской обл. поедание растительного корма не удалось отметить не только нам (Поспелов 1953). Наблюдения других исследователей показывают, что длиннохвостые синицы иногда питаются семенами и плодами, а также со-ком деревьев (Петров 1954; Чепурнов, Гаузштейн, Янулов 1956; Ганя 1957; Воропанова 1957; Новиков 1959; Mylne 1959; Иноземцев 1965б; Patomäci 1967; Agar 1988). Отсюда утверждение, что эти птицы полностью насекомоядны во все сезоны года (Образцов, Королькова 1954) можно поставить под сомнение.

Установлено, что из насекомых длиннохвостые синицы добывают как имаго, так и личиночные формы (чешуекрылых) и, кроме того,— куколок (двукрылых) и коконы (перепончатокрылых). Далеко нередко им удаётся находить и яйца насекомых (Пачоский 1909; Нейфельдт 1961). Обладая слабым клювом, они употребляют главным образом мелких членистоногих, хотя изредка заглатывают крупных гусениц, только совершенно раздавленных (Воинственский 1949). Этой их особенностью, по-видимому, можно объяснить огромное количество тлей, обнаруженное нами в их желудках.

Летом пища длиннохвостых синиц особенно разнообразна. Как мы уже говорили выше, их излюбленными местами обитания в гнездовой сезон являются берега речек и ручьёв. В середине мая 1983 и в июне 1985 мы нашли 3 их гнезда, в двух из которых были птенцы, и все они находились вблизи водоёмов. Естественно предположить, что в таких местах часть рациона должна состоять из насекомых, развивающихся в воде. И действительно, в литературе приводятся сведения о том, что до 90% объектов питания, приносимых птенцам, иногда составляют веснянки (Мальчевский, Пушкинский 1983). Правда, мы не обнаружили этих и подобных насекомых в желудках 2 особей, убитых летом, но это ещё ни о чём не говорит.

Все добытые нами длиннохвостые синицы были встречены в смешанном лесу. Видеть их во время кормёжки в хвойных лесах не приходилось. Дело в том, что мы и некоторые другие исследователи (Иноземцев 1965б; Gaston 1973) отмечали, что они ищут корм главным образом на лиственных деревьях. Иногда их ещё можно видеть на соснах, но на елях — только в исключительных случаях (Patomäci 1967). Мы наблюдали за ними в основном тогда, когда они собирали пищу в кронах деревьев, но известно, что они могут кормиться и в кустарниках (Образцов, Королькова 1954; Иноземцев 1965б). Что касается сбора корма на земле, то по этому вопросу у исследователей единого мнения нет. Согласно одной точке зрения, они никогда не спускаются на землю (Иноземцев 1965б), согласно другой, спускаются, но делают это редко (Patomäci 1967). По наблюдениям А.В.Бардина (устн. сообщ.), во время оттепелей в конце зимы и ранней весной, когда на поверхности снега местами появляются большие скопления ногохвосток *Collembola*, длиннохвостые синицы могут долго прыгать по снегу и склёпывать “снежных блох” (а также *Chionea*, *Boreus*, ряд пауков и др.). Нам видеть кормящихся на земле длиннохвостых синиц не приходилось. Во время же кормёжки на деревьях они чаще всего обследуют тонкие веточки. В такие моменты нам и доводилось их отстреливать. Отметим, что то же самое наблюдали и другие орнитологи (Hartley 1953; Иноземцев 1965б).

Если говорить об истреблении длиннохвостыми синицами вредных насекомых, то прежде всего нужно упомянуть о добыче ими большого количества тлей. Однако только поеданием тлей они не ограничиваются. Из вредителей лесного хозяйства в их пище находили ивового *Stilpnotia salicis* и непарного *Limantria dispar* шелкопрядов, златогузку, сосновую *Bupalus piniarius*, зимнюю *Operophtera brumata* и других пядениц, долгоносиков, щелкунов и т.п. (Благосклонов 1952; Петров 1954; Воропанова 1957). В одних случаях вредные насекомые составляли 87.5% от всех обнаруженных в желудках объектов питания (Петров 1954), в других 90% (Иноземцев 1965б), а в третьих даже 93.6% (Поспелов 1953).

То же самое можно сказать и о пищухах. Достаточно упомянуть о том, что из вредных насекомых мы обнаружили в их корме (у птенцов и взрослых) комаров, совок, тлей, долгоносиков и т.п. Другие же исследователи отмечали, что эти птицы уничтожают ещё короедов, уховёрток, а также яйца, гусениц и куколки чешуекрылых, в том числе яйца непарного шелкопряда [Формозов, Осмоловская 1950; Barthos 1959; Reichart 1959 (1960)].

Таким образом, пищухи и длиннохвостые синицы приносят определённую пользу лесному хозяйству. Их с полным правом можно относить к числу очень полезных наших птиц.

Литература

- Благосклонов К.Н. 1952. *Охрана и привлечение птиц, полезных в сельском хозяйстве*. М.: 1-259.
- Божко С.И., Андриевская В.С. 1960. К экологии пищухи в парках окрестностей Ленинграда // *Орнитология* 3: 430-433.
- Владышевский В.Д. 1965. Интересное приспособление // *Природа* 1: 128.
- Воинственский М.А. 1949. *Пищухи, поползни, синицы УССР*. Киев: 1-122.
- Воропанова Т.А. 1957. Питание птиц Вологодской области // *Учён. зап. Вологод. пед. ин-та* 20: 167-210.
- Ганя И.М. 1957 (1958). Материалы по экологии и хозяйственному значению птиц в Молдавии. 1. Синицы // *Изв. Молд. фил. АН СССР* 8 (41): 101-119.
- Дьяконова Т.П. 2000. Наблюдения за зимующими стаями ополовников *Aegithalos caudatus* в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 111: 3-18.
- Дубровский Ю.А. 1958. Экологические особенности стай длиннохвостых синиц (*Aegithalos caudatus* L.) // *Зоол. журн.* 37, 2: 305-308.
- Зархидзе В.А. 1959. Материалы по сезонной динамике синичьих стай // *Тез. докл. 2-й Всесоюз. орнитол. конф.* М.: 55-56.
- Иноземцев А.А. 1965а. Значение высокоспециализированных птиц-древолазов в лесном биоценозе // *Орнитология* 7: 416-436.
- Иноземцев А.А. 1965б. Питание длиннохвостой синицы (*Aegithalos caudatus* L.) в Московской области // *Научн. докл. высш. школы. Биол. науки* 3: 30-35.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Нейфельдт И.А. 1961. Питание воробьиных птиц в южной Карелии // *Зоол. журн.* 40, 3: 416-426.
- Новиков Г.А. 1959. Экология зверей и птиц лесостепных дубрав. Л.: 1-357.
- Образцов Б.В., Королькова Г.Е. 1954. Материалы по летне-осеннему питанию птиц Теллерманновского опытного лесничества (Борисоглебский массив) // *Тр. Ин-та леса АН СССР* 16: 192-209.
- Пачоский И.К. 1909. *Материалы по вопросу о сельско-хозяйственном значении птиц*. Херсон: 1-59.
- Петров В.С. 1954. О кормовом режиме и экономическом значении синиц в пойменных лесах Нижнего Днепра // *Учён. зап. Харьков. ун-та* 52: 181-203.

- Поспелов С.М. 1953. О питании и хозяйственном значении синиц, пищухи и малого пёстрого дятла // *Зоол. журн.* **32**, 2: 283-287.
- Поспелов С.М. 1955. Птицы, поедающие тлей и кокцид // *Природа* **5**: 107.
- Прокофьева И.В. 1973. Питание обыкновенной пищухи // *Материалы Научн. совещ. зоологов пед. ин-тов. Владимир*: 237-239.
- Прокофьева И.В. 1990. Сезонные изменения питания зимующих насекомоядных птиц // *Материалы Всесоюз. научно-метод. совещ. зоологов педвузов. Махачкала*, 2: 209-210.
- Скляренко С.А., Морозов В.А. 1987. Состав корма гнездовых птенцов некоторых синиц и пищухи в Джунгарском Алатау // *Орнитология* **22**: 105-108.
- Сомов Н.Н. 1897. *Орнитологическая фауна Харьковской губернии*. Харьков: 1-680.
- Осмоловская В.И., Формозов А.Н. 1950. Очерки экологии некоторых полезных птиц леса // *Птицы и вредители леса / А.Н.Формозов, В.И.Осмоловская, К.Н.Благосклонов. М.*: 34-142.
- Чепурнов В.С., Гаузштейн Д.М., Янулов К.П. 1956. Заметки по зимнему питанию птиц Молдавии // *Учён. зап. Кишинёв. ун-та* **23**, 2: 141-145.
- Agar N. 1988. Possible sap-sucking by Long-tailed Tits // *Brit. Birds* **81**, 5: 240.
- Apfelbaum St., Haney A. 1977. Nesting and foraging activity of the Brown Creeper in northeastern Minnesota // *Loon* **49**, 2: 78-80.
- Barthos G. 1959. Tanulságok a gyapiaspillefertőzötseg körül közzemüködő madarak biológiai szerepérol // *Erdész kutatások* **6**, 3: 207-228.
- Carrascal L. 1986. Influencia del viento en el comportamiento de búsqueda del alimento en un grupo de aves insectívoras forestales // *Musc. Zool.* **10**: 277-285.
- Csorba G., Török J. 1988. Fatörzsön Taplálkozó Madarfajok Täpláléks zgregácioja // *Aquila* **95**: 78-92.
- Gaston A. 1973. The ecology and behaviour of the long-tailed tit // *Ibis* **15**, 3: 330-351.
- Hartley P. 1953. An ecological study of the feeding habits of the English titmice // *J. Anim. Ecol.* **22**, 2: 261-288.
- Henderson J. 1989. The exploitation of tits *Parus* species, long-tailed tits *Aegithalos caudatus* and Goldcrests *Regulus regulus* by Treecreepers *Certhia familiaris*: a behavioural study // *Bird Study* **36**, 2: 99-104.
- Jäntty A., Aho T., Kuitunen M., Suhonen J. 1992. Changing the feeding behaviour between the first and the second brood // *4th Inter. Behav. Ecol. Congr. N.Y.*: 130.
- Kuitunen M., Suhonen J. 1989. Daylength and time allocation in relation to reproductive effort in the Common Treecreeper *Certhia familiaris* // *Ornis fenn.* **66**, 2: 53-61.
- Krištín A. 1990. Zur Kenntnis der Nahrung und Nahrungskonkurrenz des Kleibers *Sitta europaea* und Waldbaumläufers *Certhia familiaris* // *Beitr. Vogelk.* **36**, 5: 257-258.
- Mylne C. 1959. Birds drinking the sap of a birch tree // *Brit. Birds* **52**, 12: 426-427.
- Patomäki J. 1967. Pyrstötiaisen ruokailusta ja elinympäristöstä // *Suomen luonto* **26**, 1: 28-31/38.
- Reichart G. 1959 (1960). Gyapjaspile (*Limanastra dispar* L.) tojasait pusztító madarak // *Aquila* **66**: 283-287, 315.
- Suhonen J., Kuitunen M. 1991. Food choice and feeding by male and female Common Treecreepers (*Certhia familiaris*) during the breeding period // *Ornis fenn.* **68**, 1: 17-25.

О редких птицах окрестностей Казани

В.А.Андреев

Архангельский областной краеведческий музей,
пл. Ленина, 2, Архангельск, 163061, Россия. E-mail: vandreev@atnet.ru

Поступила в редакцию 29 марта 2003

Материалы для данного сообщения собраны в 1968-1975 и 1997-1998 годах в окрестностях Казани во время орнитологических экскурсий, охоты и проведения учётов птиц. Приводятся сведения о некоторых редких видах птиц, большинство из которых занесены в Красную книгу Татарстана.

Gavia arctica. Самец чернозобой гагары добыт в начале мая 1971 около дер. Займище в 2 км западнее пос. Юдино (Кировский р-н г. Казани).

Falco subbuteo. Выводок из двух молодых чеглоков встречен 28 августа 1972 недалеко от гнезда в сосновом бору лесопарковой зоны Казани близ пос. Юдино. 4 сентября несколько птиц (по-видимому, те же молодые и взрослые) были встречены в районе гнезда. 21 мая 1973 пары чеглоков в том же лесу летала и ловила майских хрущей.

Charadrius dubius. Два малых зуйка встречены в мае 1971 в районе дер. Займище. 23 мая 1974 одна птица зарегистрирована во время учёта в лесопарковой зоне Казани "Лебяжье".

Haematopus ostralegus. В мае 1971 был добыт самец кулика-сороки у дер. Займище. 22 мая 1975 одна птица встречена в лесопарке "Лебяжье".

Asio otus. Несколько встреч ушастой совы зарегистрированы в лесопарке "Лебяжье" в июне 1974 и 1975.

Asio flammeus. Встречена в лесопарке "Лебяжье" дважды в июне 1975.

Athene noctua. На одном из деревянных домов в лесопарке "Лебяжье" в мае-июне 1974 четыре раза встречали домового сыча.

Caprimulgus europaeus. В сухом сосновом бору лесопарка "Лебяжье" в июне 1975 встретили взрослого козодоя и слышали его песню.

Coracias garrulus. 12 июля 1973 в 16 км западнее Казани в дупле дуба на высоте 2.7 м от земли нашли жилое гнездо сизоворонки. Недалеко от гнезда на проводах неоднократно видели взрослых птиц.

Alcedo atthis. В лесопарке "Лебяжье" 28 апреля 1974 зимородок был отмечен во время учёта. Встреча сидящего на иве и охотящегося на рыбешку зимородка была зарегистрирована в начале июля 1997 на берегу залива в районе ст. Атлашкино в 20 км западнее Казани.

Merops apiaster. В начале июля на берегу р. Сумка в 20 км западнее Казани было найдено гнездо золотистой щурки. 18 мая 1975 в лесопарке "Лебяжье" на учётном маршруте встречены два самца. Стая из 90-100 щурок кружилась над правым берегом Волги в районе дер. Лесные Моркваша 22 августа 1999.

Upupa epops. В лесопарке "Лебяжье" удод был встречен на учётном маршруте 23 июля 1974, 18 мая и 30 июня 1975.

Picus viridis. В лесопарке “Лебяжье” зелёный дятел неоднократно встречался на учётном маршруте 12 мая 1972, 28 апреля, 23 и 29 июня, 6, 21 и 24 июля 1974, 10 и 30 июня 1975. В июне 1974 зарегистрировано гнездование зелёного дятла в лесопарке. В августе 1999 этот дятел встречен в окрестностях ст. Атлашкино.

Dendrocopos minor. В июне 1972 в смешанном лесу в 6 км западнее Казани найдены два гнезда малого дятла с птенцами. Самец был встречен на окраине Казани на деревянном заборе рынка в августе 1973.

Lullula arborea. В сосновом бору лесопарка “Лебяжье” 24 июня 1974 зафиксированы на учётном маршруте 4 лесных жаворонка.

Loxia pytyopsittacus. Массовый лёт клеста-сосновика отмечен в мае-июне 1968 в лесопарке “Лебяжье”.

Loxia leucoptera. Взрослый самец белокрылого клеста был пойман тайником 18 декабря 1969 в смешанном лесу лесопарковой зоны в окрестностях пос. Юдино.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 224: 606-608

Наблюдения редких птиц в некоторых районах Казахстана

В.В.Хроков

Общество любителей птиц “Ремез”, Алматы, Казахстан

Поступила в редакцию 23 апреля 2003

Наблюдения редких видов птиц, занесённых в Красную книгу Казахстана, сделаны во время кратковременных поездок по Акмолинской (сентябрь 2000 и июнь 2001) и Алматинской (май, июнь, сентябрь и ноябрь 2001) областям, а также в северо-восточной части Каспийского моря (октябрь 2002). В июне 2001 автор проводил наблюдения в Кургальджинском заповеднике совместно с Г.Эйхорном.

Pelecanus onocrotalus. 17 сентября 2001 на оз. Жаманкум встречен 1 розовый пеликан; 18 сентября там же — 13 и 5 (последние в стае кудрявых пеликанов).

Pelecanus crispus. 13 и 14 июня 2001 в пойме Нуры у с. Кургальджино видели одиночку и пару; 15 июня у Кульшумской плотины (Кургальджинский заповедник) — 2 ос., у Тобиякской плотины — 1; 16 июня на оз. Жиланды-Шалкар — 12, на оз. Уялы-Шалкар — 1, на оз. Жанибек-Шалкар — 14. 17 июня 2001 на озере Есей 360 кудрявых пеликанов ловили рыбу вместе с 500 большими бакланами *Phalacrocorax carbo*. 14 сентября 2001 с Топарских озёр в сторону Балхаша пролетели 43 ос.; 18 сентября на

оз. Жаманкум (Алматинская обл.) — 57; 19 октября 2002 в северо-восточной части Каспия — 8 кудрявых пеликанов.

Phoenicopterus roseus. 12 сентября 2000 на оз. Шолак (Кургальджинский р-н Акмолинской обл.) — 70 фламинго; 13 сентября в Абайском заливе оз. Тенгиз — 307; 13 июня 2001 на оз. Майшукур (Акмолинская обл.) — 16; 14 июня на оз. Балыксор — 29 (там же 15 июня — 65); 15 июня на мелководном грязевом озере Кызылколь — 970, на оз. Узын-сор — 100; 17 июня у полуострова Узун-Арал (оз. Тенгиз) — 230, в устье Нуры — 1300, в Абайском заливе Тенгиза — 60.

Rufibrenta ruficollis. 2 сентября 2000 на оз. Шолак видели 2 краснозобых казарок среди 6 гуменников *Anser fabalis*.

Cygnus cygnus. 13 сентября 2000 на оз. Султан-Кельды (Кургальджинский заповедник) наблюдали 5 лебедей-кликунов. 13 июня 2001 на оз. Кумколь 1 кликун дрался с шипуном *Cygnus olor* (неподалёку находился выводок пуховых птенцов). 15 июня у Кульшумской плотины встречен 1 кликун, на оз. Кызылколь — 1; 16 июня на оз. Жиланды-Шалкар — 64, на оз. Жанибек-Шалкар — 7; 17 июня в устье Нуры — 50, на оз. Кокай — 59; 24 октября 2002 в северо-восточной части Каспия — 100 кликунов.

Oxyura leucocephala. 13 сентября 2000 на оз. Кокай (Кургальджинский заповедник) отмечено 32 савки, на оз. Салманкуль — более 500; 14 сентября на оз. Есей — 46; 13 июня 2001 на оз. Кумколь — 52 (90% составляли самцы). 15 июня у Кульшумской плотины зарегистрировали 14 савок, на безымянном озерке между пос. Актюбек и Алмас — 1 пару.

Aquila nipalensis. 12 сентября 2000 у с. Сабынды (Акмолинская обл.) на расстоянии 10 км — 2 пары; 13 сентября у оз. Султан-Кельды — 1, у оз. Кокай — 1; 13 июня 2001 в пойме Нуры у с. Кургальджино — 1.

Haliaeetus albicilla. 12 сентября 2000 на Уялинских озёрах (Кургальджинский р-н Акмолинской обл.) встретили 1 орлана-белохвоста; 13 сентября у Аблайской плотины — 1. 15 июня 2001 над степью у с. Актюбек одиночного орлана гоняли 80 чибисов *Vanellus vanellus*. 15, 18-20, 25, 28, 31 октября и 1 ноября 2002 в северо-восточной части Каспия над тростниково-ыми шалыгами видели по 1-3 орлана (всего 18 особей).

Grus grus. 12 сентября 2000 у оз. Шолак встретили 2 серых журавлей; 17 июня 2001 в устье Нуры — 3.

Anthropoides virgo. 12 сентября 2000 у оз. Шолак — 1 ос.; 13 июня 2001 на окраине с. Кургальджино — 4; 14 июня у оз. Есей — 6, у оз. Балыксор — 2; 15 июня на р. Куланутпес у пос. Таскатау — 2, в степи у посёлка Ныгыман — 2 пары (одна пара с 2 птенцами величиной с утку), у оз. Кызылколь — 2; 17 июня на соре у северного берега оз. Тенгиз — 1 ос.

Larus ichthyaetus. 13 сентября 2000 на оз. Султан-Кельды — 1 ос.; 30 мая 2001 на оз. Сорбулак (Алматинская обл.) — 1. 13 июня 2001 на островке на оз. Майшукур обнаружили колонию черноголовых хохотунов из 15 пар. 16 июня на оз. Жиланды-Шалкар — 1 особь; 17 июня на оз. Есей — 1; 5-31 октября и 1 ноября 2002 в северо-восточной части Каспия почти ежедневно наблюдали по 1-8, до 18 особей (всего 172 птицы).

Pterocles orientalis. 26 мая 2001 в низовьях Чарына — 1 ос.; 27 мая в Сюгатинской долине — 5. 30 мая в Таукумах близ с. Каншенгель первые

чернобрюхие рябки у артезианской скважины появились в 7 ч (группами по 3-5), через час величина стаек увеличилась до 15 особей, а к 9 ч — до 50, всего за 2 ч пролетело около 500 рябков. 2 июня 2001 в урочище Бесшатыр (нац. парк “Алтын-Эмель”) — 2; 16 июня у пос. Каражар (Кургальджинский заповедник) — 7; 13 сентября в Таукумах у с. Каншенгель за утро пролетело 200 ос. (стайками от 3-4 до 20); 17 сентября у оз. Жаманкум — 17, в пойме р. Или в районе с. Казахстан — 23 (там же 10 ноября — 10 ос.).

Pterocles alchata. 30 мая 2001 в Таукумах у с. Каншенгель встретили 3 белобрюхих рябков; 13 сентября там же — 9 (в т.ч. 5 в стае *P. orientalis*).

Syrrhaptes paradoxus. 30 мая 2001 в Таукумах у с. Каншенгель видели 11 садж (2, 3 и 6 ос.); 24 сентября в каньоне р. Чарын — 4; 10 ноября в пойме Или ниже с. Казахстан — 32 саджи.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 224: 608-609

О запасании кормов большим скальным поползнем *Sitta tephronota*

Э.И.Гаврилов

Второе издание. Первая публикация в 1972*

Проводя наблюдения за птицами в северных отрогах Джунгарского Алатау около с. Абакумовка, 18 июня 1963 мы заметили скального поползня *Sitta tephronota*, прилетевшего на небольшую скалу с крупной цикадой в клюве. Так как поползень размножается довольно рано и к этому времени сезон гнездования у него уже должен был закончиться, мы заинтересовались птицей. Поползень сделал несколько прыжков по скале, затем засунул цикаду в трещину скалы, крикнул и улетел. За этой скалой, которая была у нашего лагеря, мы установили наблюдение, однако долгие часы ожидания оказались безуспешными — поползень хотя и показывался неподалёку, на эту скалу больше не прилетал.

Второй подобный случай нам удалось наблюдать 26 октября 1968 в горах Карагату (Западный Тянь-Шань). Экскурсируя в первой половине дня в одном из ущелий, мы увидели летящего скального поползня, который нёс что-то в клюве. Хотя птица была довольно далеко, в бинокль удалось определить, что в клюве поползня было насекомое (одно или несколько). Вскоре поползень сел на мелкокаменистую россыпь на противоположном склоне ущелья, сделал несколько скачков и вдруг юркнул под небольшой плоский камень. Когда через несколько секунд он вылез из-под камня и полетел, в клюве у него ничего не было.

В одну из малоснежных зим Э.М.Ауэзов (устн. сообщ.) в горах Анархай

* Гаврилов Э.И. 1972. О запасании кормов скалистым поползнем // *Орнитология* 10: 332-333.

(Чу-Илийские горы) в конце декабря наблюдал, как поползень трижды в течение получаса приносил в клюве корм и скрывался с ним в одной и той же нише под камнем. Вылетала птица уже без корма.

Приведённые наблюдения позволяют сделать предположение, что поползни делали запасы пищи на зиму. Подобное явление хорошо известно для обыкновенного поползня *Sitta europaea*, широко распространённого в лесах Евразии. Этот поползень запасает на зиму жёлуди, орехи, даже зимой, посещая кормушки для птиц, поползень в массе уносит с них подсолнечные семечки, коноплю, рассовывая их под кору, в трещины деревьев и другие укромные места. Для большого скального поползня запасание корма отмечено нами впервые.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 224: 609-611

О численности красавки *Anthropoides virgo*, стрепета *Otis tetrax*, дрофы *Otis tarda* и джека *Chlamydotis undulata* в некоторых районах Казахстана

В.А.Борисенко

Второе издание. Первая публикация в 1977*

В 1962-1968 и 1971-1972 годах в западном, северном и центральном Казахстане в апреле-октябре в течение 23.5 месяцев проводили учёты численности журавлей, стрепетов и дроф. Протяжённость автомобильных маршрутов составила около 45 тыс. км.

Журавль-красавка *Anthropoides virgo* в междуречье Волги и Урала редок. В 1966 на маршруте в 3.1 тыс. км с конца апреля до конца мая зарегистрировано 14 журавлей: 3 пары и 2 одиночные птицы по течению р. Багырдай в районе Калмыково и 3 пары у села Азгир. Кроме того, по наблюдениям на зимовке Айгыр (в 50 км западнее Калмыково) было учтено 5 пар гнездившихся красавок в радиусе 4-5 км от зимовки. Вылупление птенцов здесь отметили 16 мая.

В районе Уральска, Актюбинска, оз. Чалкар и на маршрутах в мае-августе 1967 и 1968 (за 3 мес. полевых работ) 2 пары красавок обнаружены по дороге Актюбинск—Уральск в 50 и 20 км восточнее Джамбейты (в конце мая 1968). В том же году в начале июля на маршруте Актюбинск—Карасутак—Иргиз—Нура (550 км) красавки встречены 5 раз (14 особей) в районе Иргиза и Нуры. У одной пары отмечен 1, у другой — 2 птенца.

В бассейне рек Тургай и Улы-Жиланшик, по Улутауской возвышенности, по рекам Терсаккан и Кокпекты до оз. Тенгиз в мае-августе 1965 на

* Борисенко В.А. 1977. О численности журавля-красавки, стрепета, дрофы и джека в некоторых районах Казахстана //Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата: 138-141.

маршрутах в 6.7 тыс. км учтено 99 журавлей. Пары взрослых птиц с молодыми нелетающими встречены у оз. Шошканы и совхоза "Южный" Тургайской области, по рекам Кокпекты и Каракингир. В 1971 во второй декаде мая на маршруте Джезказган—Дульгалынская мечеть—совхоз "Родник"—им. Амангельды (750 км) с экскурсиями в местах стоянок учтено 19 птиц. У метеостанции Брали (устье Дульгалы-Жиланшик) в поле зрения бинокля вокруг лагеря гнездилось 3 пары журавлей.

В Бетпак-Дале в 1965 с 19 апреля по 5 мая на маршрутах 3.3 тыс. км встречено 8 красавок: 2 по р. Чу и 6 по р. Коктас. Наибольшая стая красавок — 53 птицы — была замечена в районе Байконура 7 мая 1965. Пролётную стаю из 24 особей наблюдали в конце апреля 1972 в районе Карсакпая.

В середине августа 1971 четыре журавля-красавки замечены между Целиноградом и Кургальджино. Это самый северный пункт наших наблюдений данного вида.

Стрепет *Otis tetrax* в междуречье Волги и Урала в конце апреля 1966 был обычен: по р. Багырдай на отрезке маршрута в 30 км в 11 встречах учтено 23 стрепета. С одного места взлетало до 6 птиц. В начале мая у зимовки Айгир на 18 км пешей экскурсии обнаружили 4 стрепета. Ещё 2 птицы в этом районе наблюдались около Азгира.

В Кустанайской области в 1962-1968 годах за 15 месяцев пребывания и на маршрутах в 12.5 тыс. км стрепета видели в июне 1963 в разных местах в окрестностях с. Дамды Наурзумского р-на (5 встреч по 1 птице); в середине сентября того же года одного стрепета обнаружили у с. Пешковка Фёдоровского р-на; в июне 1964 и в июле 1965 стрепета наблюдали у с. Дамды в том же месте, где и в 1963. В августе 1965 одну птицу заметили у с. Новонежинка Семизёрного р-на.

В бассейне рек Тургай и Улы-Жиланшик и по Улутауской возвышенности в мае-июне 1965 на маршрутах в 3.0 тыс. км видели 7 стрепетов: 1 — у Байконура и 6 — в урочищах Донсары и Шиндыбидайк. В июле-сентябре на маршрутах по восточной окраине Улутауской возвышенности до озера Тенгиз, по Тургаю и Улы-Жиланшику (5.5 тыс. км) было встречено 5 стрепетов (в устье Улы-Жиланшика в конце сентября). В 1971 году во второй декаде мая 8 стрепетов обнаружено на маршруте между Дулыгалинской мечетью и совхозом "Родник". Тогда же у метеостанции Брали в малопроезжем месте между реками Ульген-Жиланшик и Дулыгали-Жиланшик за двухчасовую экскурсию на пути в 50 км отмечено 9 птиц.

Дрофа *Otis tarda* по описанным выше районам и маршрутам в центральном Казахстане отмечена лишь один раз у с. Нуры в низовьях Тургая в июле 1968.

В Кустанайской области дрофа встречена дважды в 1963 году: в июне у с. Дамды — 2 взрослые птицы; в августе в верховьях Убагана — 4 дрофы (2 взрослые и 2 молодые). В 1971-1972 годах в мае-августе на маршрутах в 4.5 тыс. км в Кустанайской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской и Целиноградской областях дрофы и стрепеты не встречались.

По реке Улы-Жиланшик, в урочище Шийли-Кудук (восточная окраина песков Аккум) в конце августа 1962 на маршрутах в 110 км встретили 5 раз по 2 дрофы и 3 одиночки. Держались они в высокотравье ковыля и пырея на закреплённых песках. В августе 1963 и 1965 их здесь не видели, по-

скольку обширные высокотравные площади были выкошены. В мае 1965 две дрофы встречены западнее Байконура, 1 и 2 птицы — между озёрами Бозшаколь и Шошкалы и 3 — в урочище Донсары. Там же 11 мая вспугнули дрофу с гнезда с двумя яйцами. В конце августа 3 особи видели близ Дулыгалинской мечети. В 1971 году за вторую половину мая встретили одну пролётную дрофу в районе метеостанции Брали.

В Бетпак-Дале 19 апреля-5 мая 1965 на маршрутах от среднего и нижнего течения Чу до верхнего и среднего течения Сарысу (3.3 тыс. км) дрофы обнаружены дважды по р. Коктас (1 и 6 птиц); в сентябре за 11 дней (2.6 тыс. км) птиц не видели. В 1966 у лагеря в 40 км южнее оз. Коракоин до установления снежного покрова отмечено 6 дроф 26 ноября и 10-15 декабря.

Джеков *Chlamydotis undulata* отмечали преимущественно в Бетпак-Дале в 1965 году на маршрутах в апреле-мае (3.3 тыс. км), в 32 встречах учтено 42, а в сентябре (2.6 тыс. км) в 11 — 18 джеков. Их наблюдали по всей пустыне от р. Чу на юге до р. Сарысу на севере, наибольшая группа состояла из 4 птиц. В 1971 году на маршруте в начале мая (1.0 тыс. км) отмечено 2 джека. За пределами Бетпак-Далы джека видели один раз в 20 км севернее метеостанции Брали в середине августа 1965.

Приведённые сведения показывают, что стрепет и дрофа практически исчезли в освоенных земледелием степных районах. В полупустынях и пустынях стрепет хорошо сохранился лишь в некоторых местах, а дрофа стала крайне редкой. Джек в обследованной Бетпак-Дале распространён повсеместно, но везде редок. Журавль-красавка в гораздо меньшей степени, чем стрепет и дрофы, подвергается истреблению и вытеснению хозяйственной деятельностью человека и во многих районах остаётся ландшафтным видом.

